

Вера О.

Come back

или
Вы всегда будете женщиной

16+

Вера О.

**Come back, или Вы
всегда будете женщиной**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

О. В.

Сome back, или Вы всегда будете женщиной / В. О. — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Документальная повесть о борьбе автора с раком груди, о лечении в России и Германии, о ценах и ценностях, о новых обстоятельствах и новых друзьях, о приключениях и путешествиях, о помощи и подлости, о возвращении к полноценной жизни.

Содержание

Часть 1	5
Год 2013. Начало.	5
Постановка диагноза	7
Шок	10
Первые дни новой жизни	13
Подготовка к отъезду	19
Отъезд	20
Я в Германии	21
Клиника в Эссене	22
Доктор К.	24
Знакомство с Эссеном	26
Обследование	28
Отель Вебер	30
Путешествие в Брюссель	32
Перед операцией	34
Знакомство с Эммой и Арманом	37
Операция	39
После операции	41
Пребывание в клинике после операции	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Часть 1

Год 2013. Начало.

Я – обычная горожанка, женщина сильно за сорок. В прошлом у меня безмятежное «брежневское» детство, все сложности периода развала Союза, два брака, два высших образования, аспирантура. Извилистый и разнообразный трудовой путь.

Последние полтора десятилетия я живу слегка монотонно по сравнению с прошлым. Качусь по накатанной колее. Жизнь моя определена, кажется, навсегда. Работаю, помогаю сыновьям встать на ноги. Их у меня двое, рожденных в разные тысячелетия мальчиков. Двадцать четыре и двенадцать лет назад...

Я работаю на известном в своей отрасли предприятии, возглавляя подразделение в коммерческой службе. Работа забирает всё время и силы, но и расширяет горизонты. Муж занимает ответственную должность в серьезной организации. Старший сын, получив высшее образование в Москве, остался там работать. Младший учится в пятом классе.

Вот так и живем: днем работа, вечером домашние дела, по субботам – спортклуб и хаммам, в воскресенье лыжи, летом – дача. Всё бегом. Поблажек мы себе не даем. Семья наша возникла накануне миллениума, и сейчас мы торопимся наладить и обустроить нашу жизнь. Трудолюбия нам с мужем не занимать.

Я ощущаю себя пущенной стрелой, и ничто, никакие проблемы, никакая усталость, не в силах меня остановить.

Хотя, пожалуй, устаю больше. Но списываю усталость на возраст и загруженность. Уже «не шестнадцать»!

Я постоянно в разъездах. Частые командировки в Сибирь и Казахстан перемежаются с краткосрочными отпусками.

Очередной трудовой год (тринадцатый на этот раз) начинается с январского семинара в Новокузнецке, в апреле лечу на переговоры в Иркутск.

Мне всё чаще попадаются тринадцатые места в самолётах и поездах.

В марте старший сын сообщает о решении создать семью. Как-то так выходит, что свадьбу играем на тринадцатой неделе тринадцатого года. Свадьба красивая и веселая. Всё отлично!

Не считая моего предубеждения против числа «13».

В июне беру долгожданный отпуск и с младшим сынишкой путешествую по Греции, о чем он, зачитывающийся древнегреческими мифами, мечтал. (А я, давным-давно в школе изучая по картинкам красно-фигурную керамику Древней Греции, и не мечтала).

В конце августа всей семьей на машине едем в Астрахань на новоселье к единственной сестре мужа на недельку. Программа для нас продумана Леной с Рафаилом интереснейшая. Астраханский непривычно-белоснежный кремль, рыбалка на раскатах, где видимо-невидимо метровых щук, купанье во «всесоюзной солонке» озере Баскунчак у подножия оранжевой горы Богдо, катание в видавшей виды кибитке, запряженной верблюдом, под тёплым проливным дождем, пикник в степи. Поездка удаётся на все сто.

Дома не задерживаюсь: в начале сентября лечу проводить семинар в город Шымкент. Два телевизионных канала Южно-Казахстанского округа дают сюжеты о нашем многолюдном семинаре.

А в первых числах октября я уже на берегу океана в экзотичном Марокко на очередном дилерском семинаре для VIP-клиентов нашей организации.

Желание ПРОСТО ПОЖИТЬ ДОМА растёт. Никуда не выезжая, никуда не спеша, наслаждаться домашними заботами, готовить домочадцам что-нибудь вкусненькое, читать, укрыв-

шись пледом, любимые книги на диване, проверять уроки у шестиклассника-сына, ухаживать за цветами. Об этом я мечтаю в Марокко, об этом мечтаю и на обратном пути, пока наш автобус ползёт почти шесть часов в нескончаемой пробке от Москвы до дома (ремонт дороги).

Впереди у меня маячат командировки в Красноярск, а затем в Иран.

И я возвращаюсь... Ещё не зная, что планам моим не суждено сбыться.

Постановка диагноза

Накануне поездки в Марокко, поздно вечером собирая чемодан в дорогу, я мельком увидела по телевизору рекламу Медицинского центра о проведении обследования грудных желез за полцены и как-то спонтанно попросила мужа меня записать на прием. Как это мне взбрело в голову? Сыграла роль скидка? Веских причин не было. Транслируемые по TV страшилки о раке груди вселяли беспокойство и, как многие женщины, я вечерами порой рассматривала грудь перед зеркалом и ощупывала её, как могла. Присущая мне тревожность и желание контролировать все сферы жизни навязчиво склоняли «стелить соломку»... Удивительно, но эту вскользь и однажды прозвучавшую просьбу о записи на обследование муж выполнил, о чем и сказал мне по возвращении.

И вот после Агадира с его широченным песчаным пляжем вдоль океана и растрепанными ветрами пальмами, утром солнечного октябрьского понедельника перед работой я иду в медцентр. В самом беззаботном после марокканского вояжа настроении! иду удостовериться, что со мной всё в порядке.

В медцентре безлюдно, комфортно, тихо играет музыка, по стене струится подсвеченная вода под стеклом. Захожу в кабинет, и через пять минут маммограмма готова.

Я, взглянув на ничего не говорящий мне серо-прозрачный снимок в руках медсестры, незаинтересованно спрашиваю: «Ну как?» «Отлично» – полным голосом отвечает та.

Еле слышно гудят лампы дневного освещения. «Рака нет?» – нарушаю тишину я. «Нет, всё у Вас хорошо» – вновь радостно подтверждает медсестра.

Вслед за этим в кабинет бочком заходит неприметная, сухопарая женщина и, взяв снимки, уходит готовить письменное заключение. Я, безмятежно листая глянцевого журналы в холле на кожаном диване, жду.

Вручая мне заключение, доктор невнятно упоминает, что снимки не дают полной ясности, и надо бы побывать у хорошего специалиста той же клиники для дообследования. Меня совершенно не устывает эта нечеткость, и я иду в наступление. «Как же так, я обследовалась на хваленом оборудовании, выявляющем отклонения в зачаточной стадии, если верить рекламе, а Вы мне не можете сказать, что это обследование показало?». В ответ – слова о желательности дообследования. Я вновь пытаюсь добиться большей конкретики: «Это обследование хотя бы исключает наличие рака?» И первый четкий ответ: «Нет, не исключает. Побывайте у доктора Перова». В регистратуре записываюсь к нему на четверг. Страха нет, есть только неприятное чувство отложенного нерешенного вопроса, по которому я планировала внести ясность безотлагательно. И полная уверенность в своём здоровье.

Спешу на работу, где круговерть вопросов тут же уводит мысли прочь от визита в клинику. В обеденное время, как обычно, гуляю по центру города. В этот день мне попадается на глаза очень красивое массивное серебряное ожерелье с хризолитами, схожее с украшениями героинь любимого мной сериала «Великолепный век». Даже со значительной скидкой оно стоит довольно прилично для простого приобретения; праздников, к которым можно было бы приурочить его покупку, не предвидится. Но мне очень хочется его купить, и вдруг, неожиданно для себя, я суеверно думаю: «Если рак не подтвердится – куплю на радостях, а если подтвердится – мне ни к чему это уже будет».

Вечером рассказываю мужу о посещении клиники. Он, зная мою нелюбовь к неопределенности, напористо успокаивает меня, мол, больше всего беспокойств нам доставили неприятности, которые так и не случились. Муж не допускает и мысли о болезнях, пытаюсь донести свою уверенность до меня. Правда, тщетно. Неприятный осадок остаётся.

Мне свойственно сгущать краски; помню, я сказала, что, возможно, над семьёй тяготеет рок: муж потерял маму в двенадцать лет, нашему младшенькому сейчас как раз двенадцать, и

с ним это тоже может случиться. Разговор заканчивается на привычной фразе мужа: «Ты как всегда говоришь глупости», и не успокаивает меня.

Дни до четверга летят быстро, забот много, нет времени «накручивать» себя и, главное, нет ни малейшего ощущения нездоровья.

В назначенный день я еле выкраиваю «окошко» для посещения доктора, выбегаю из офиса, уже имея времени в обрез, и только пройдя часть пути, соображаю, что оставила на рабочем столе снимки. Приходится возвращаться. Весь путь до клиники занимает около пятнадцати минут, и я довольно сильно разгоняюсь, не желая опаздывать.

В кабинет доктора Перова я вхожу уверенно, и, выложив снимки, жду, пока он с ними ознакомится. Доктор производит приятное впечатление: мой ровесник, серьезен, подтянут. Долго мне его рассматривать не приходится: он начинает расспросы.

С чем я к нему пришла, что сказал предыдущий доктор. Я отвечаю, что ничего определенного обследование не дало, и мне хотелось бы ясности.

«Видите ли», – продолжает доктор: «Вы были у очень опытного врача, и у неё были основания рекомендовать продолжение обследования».

Всё это он говорит как-то туманно, не глядя на меня и что-то обдумывая. Вид у него удрученный, но я не принимаю это на свой счет. Я уверена, что сейчас всё разрешится. И я – крупная, пышущая здоровьем, энергичная женщина – вернусь к своим делам.

Доктор интересуется: «Когда Вы последний раз обследовали грудь?» Я вспоминаю свой единственный давний визит в районную поликлинику. Много лет назад так же импульсивно я посетила доктора, утраченная какой-то статьей или передачей. Молодой хирург обалдел, когда в кабинет зашла тридцатилетняя я с просьбой осмотреть грудь. Но быстро нашелся, стал ёрничать, выпрашивая, замужем ли я. Дурачки ухмыляясь, провел осмотр, помяв мою грудь руками, как сельский ухажер в темном углу клуба, и явно не зная, как именно это делается. От стыда я не знала, куда деваться, и торопливо ушла, раздосадованная некоторой двусмысленностью этого визита. В те времена, в разгар лихих девяностых, в рабочем районе, где я жила, намерение обследовать грудь было в диковинку, об аппаратном обследовании не знали и не мечтали. Этот визит надолго отбил у меня всякое желание попадать в такие нелепые ситуации впредь.

Я рассказываю доктору Перову об этом давнишнем, бесполезном осмотре, после чего он предлагает мне раздеться по пояс, лечь на кушетку для прохождения УЗИ, и располагает у компьютера. Медсестра приготавливается записывать.

Ложусь на кушетку у окна, из которого виден близко стоящий напротив жилой дом и, глядя на ряды окон, равнодушно думаю, что меня, полуобнаженную, вероятно, хорошо видно из этих окон. Затем мысли возвращаются к работе, и я уже мысленно «убегаю» из этого кабинета, торопясь завершить отложенные вопросы, и тем необычнее то, что начинает говорить мне доктор.

Совершенно будничным голосом, тихим и обстоятельным, он говорит, что у меня рак молочной железы. Что это не первая стадия. Что затронуты несколько лимфоузлов, кажется, 4, или больше... он не может сосчитать... аппарата не позволяет...

...Ни к чему такому я не готова. В звенящей тишине кабинета, нарушенной лишь негромким голосом доктора, я падаю в пропасть, а всё вокруг стремительно отдаляется от меня. Время становится другим. Всё становится другим.

Вот так обыденно рушится жизнь! Моя жизнь! Всё то, что для меня стоит за этим понятием!!

Я ни разу не прокручивала всерьёз в голове сценарий «а если рак?». Мне кажется, что я зрителем присутствую здесь, а слова доктора предназначены не мне, они не могут быть адресованы мне!

Лежу, слушаю его и думаю: «Неужели это происходит со мной? Этого не может быть!! Нет!». Даже задаю вопросы. Мелькает мысль: «Какая я молодец! Как хорошо держусь!».

Доктор, видя мою безучастность, наклоняется и осторожным голосом спрашивает: «Вы понимаете, что теперь у Вас будет другая жизнь? Надо срочно принимать меры, оперироваться. Не ждите новогодних праздников, чтоб только после них взяться за лечение. Вам нельзя медлить, время дорого, действуйте оперативно». Он добавляет, что, хотя нет ни малейших сомнений в том, что у меня рак, я обязательно должна сделать биопсию, и объясняет, когда и куда мне прийти для этого.

Только потом я пойму, что диагноз мой был ясен уже в понедельник, но женщина-врач избавила себя от малоприятной процедуры сообщения его мне. Поэтому она так горячо и уговаривала меня посетить доктора, тем самым предоставив ему информировать меня. Но ведь я могла и не пойти к Перову! Который так осторожен сейчас в разговоре со мной, опасаясь моей реакции на известие о раке.

Не знаю, как в такие моменты ведут себя другие женщины, но навык держать себя в руках, не выдавая своих чувств, при получении любой информации, выработанный за годы работы в торговле, позволил мне принять эту страшную новость внешне спокойно. Настолько спокойно, что доктор усомнился, поняла ли я его. Я даже деловито обсуждаю с ним ближайшие действия, но не чувствую себя участником, а скорее, одновременно зрителем и артистом в роли пациента, в этом эпизоде. Я ни в чем так всегда не была уверена, как в своём здоровье! И слова доктора, вырвав почву из-под моих ног, всё-таки не помещаются в моей голове.

А он продолжает: «Настоятельно рекомендую Вам ехать лечиться за границу, там выживаемость в два раза выше, чем здесь. Куда? Германия, Австрия, Израиль». «Сколько это стоит?» – «около 2 миллионов рублей». Сумма меня поражает, и я пытаюсь выяснить, можно ли вылечиться здесь или в Москве, например, за меньшие деньги. Доктор отвечает: «Если бы, не дай Бог, этим заболела моя жена, я бы продал квартиру и отправил её лечиться за границу». И добавляет: «С первой стадией одинаково хорошо можно вылечиться и здесь, и за рубежом. Но у вас не первая стадия, поэтому лечиться лучше там». Больше я вопросов не задаю. Слова о продаже квартиры убеждают, у меня самой кроме квартиры ничего нет. Контакт доктор не даёт за неимением, его совет основан на рассказах пролечившихся там. А как лечат «тут», ему известно.

Впервые звучит ошеломляющее слово «выживаемость» применительно ко мне. Вместо безбрежной жизни на десятилетия вперед! Другая, жалкая жизнь со смертельным диагнозом, но и она мне не обещана! К такой реальности я не готова.

Напоследок доктор говорит: «Люди оттуда возвращаются совсем другими, окрыленными. Они не похожи на тех, сломленных, кто лечится здесь». Хваленого самообладания мне хватает только до порога клиники: на улицу я выхожу уже в слезах и тут же звоню сестре. Рыдая и с трудом выговаривая слова, я ей рассказываю всё, чтоб разделить непосильную ношу с близким мне человеком. Погоревать вместе.

Других целей я не ставлю. Я уже утратила волю к жизни. Да и что теперь такое моя жизнь? Эта, начавшаяся десять минут назад! Диагноз гильотиной рассек и разъял моё прошлое, всё, что было со мной до этого, и вот это настоящее, бесцветное, беззвучное, где я на ватных ногах, заливаясь слезами, иду, утратив все ориентиры.

Затем звоню мужу. И даже не помню, какими словами говорю ему о диагнозе.

Шок

Какое же непоправимое горе случилось со мной! Я полностью дезорганизована: двигаюсь по направлению к работе, но уже понимаю, что не могу туда вернуться, так как слезы льются, и я никакими усилиями воли не могу их остановить. Невозможно прийти в офис в таком виде! Но я не меняю направления движения. В голове у меня хаос, мысли одна страшнее и безнадежнее другой мечутся по кругу. Я не в состоянии осмыслить все последствия случившегося, и, ухватившись за ранее придуманную цель, в каком-то оцепенении иду в магазин, торгующий индийскими безделушками. За ожерельем с нежно-зелёными хризолитами. Я просто не знаю, что мне теперь делать! И покупаю украшение, просто потому, что я раньше собиралась это сделать. Что ещё, теперь, нужно делать, я не представляю. Непоправимость случившегося мне кажется несомненной.

Я раздавлена этим диагнозом, не способна ни к чему и понимаю это. Мгновенно и полностью лишаюсь всех своих деловых и волевых качеств, перестаю чувствовать себя действующим лицом в жизни. Невероятный, неожиданный поворот! И я не могу в него вписаться! Могу только лить слезы. Лечение за границей я, разумеется, не планирую за неимением денег.

Одна из первых мыслей: «Скрыть!». Никому, кроме близких, нельзя говорить о себе такое. Только возникновение полосы отчуждения будет мне ответом. Я знаю это. Можно быть сердечником, язвенником, и окружающие с пониманием отнесутся к этому, помогая советами. Но сказать: «У меня рак» равносильно исключению из сообщества живых. Этого не простят. Никто не хочет даже слышать о «раке», это слово пугает.

Я в слезах иду по улице с полным безразличием к реакции окружающих. Вся моя жизнь рушится. Она уже разрушена! Что-то надо делать! Но что? С кем посоветоваться? Теперь только с такими же. Я набираю телефон единственной своей знакомой, уже продолжительное время болеющей раком и очевидно приближающейся к последней черте.

Нина, которой даже разговор даётся с трудом, беспрестанно кашляя (метастазы у неё уже и в лёгких), настойчиво повторяет: «Слезам не поможешь горю! Борись! Не сдавайся!». Но я с ужасом вслушивалась в её хрипы, и они меня убеждают гораздо больше её слов. Я не воспринимаю её советы. Но представляю, что скоро и моя жизнь станет только болью и мучением и ничем другим. Чувствую, что «я» и «борись» как бы в разных плоскостях находятся, и бороться мне нечем: я сломлена, сломлена! Впереди только скорая смерть! Неужели и я теперь, как Нина, болею раком? Я всегда была здоровой, а теперь – онкология! Ну почему не язва, не инфаркт, не почки простуженные, а самый худший, смертельный диагноз? Как же так?!

Я всегда не только была здоровой, но и считала, что нездоровье – это неполноценность, в которой, так или иначе, повинен болящий. Была убеждена, что моё здоровье вкупе с относительно здоровым, как мне представлялось, образом жизни, гарантированно избавят меня от сюрпризов. Я никогда не думала, что могу нажать болезнь, да ещё такую серьезную. А теперь я разом «переплюнула» со своим диагнозом многих из тех, кого свысока считала достойными их болячек.

Перед лицом такого «Факта», мне хватает нескольких секунд для подытоживания всей жизни. Посреди шума площади, которую я пересекаю. Буквально несколько секунд.

Я думаю: «Моя жизнь была богата событиями и чувствами, грех жаловаться. Старший сын вырос и обойдется без меня. Мой замечательный муж заслуживает хорошей жизни; поэтому будет кстати, если моё умирание не займет много времени – он сможет ещё создать семью и быть в ней счастливым, чего бы я очень хотела для него. Остается только одна боль – младшенький. Даже у моих родителей есть ещё одна дочь, внуки, а у моего младшего сына я одна и незаменима».

Но и понимание этого не настраивает на борьбу ни в малейшей степени. Ни ради сына, ни ради себя. Я не могу призвать себя зубами вцепиться в жизнь и бороться за неё. Мне не на что купить её за объявленную цену. Слезы льются нескончаемо, а всё остальное словно замерло во мне.

Какая-то часть меня наблюдает происходящее: мгновенная капитуляция перед диагнозом становится большим открытием и неожиданностью. Как же мало я себя знала!

...Я никогда не принадлежала к тем женщинам, которым перед выходом в люди надо провести много времени перед зеркалом с ворохом косметики. Сейчас, умытая диагнозом, я не узнаю себя. Я не узнаю свой внутренний мир. Только фиксирую перемены и иллюзорность всех своих представлений.

Иду домой. В лифте, спохватившись, что сын уже вернулся из школы, безуспешно пытаюсь привести себя в порядок, утереть слезы. Напрасный труд. Сын открывает дверь: «Мама, что случилось?!» «Я заболела», – реву я, впервые перед ним не сильная и не старшая, и, проскользнув в спальню, прячусь под одеяло. Я оглядываю комнату, перевожу взгляд на дома за окном и впервые не чувствую привычной связи со своим миром. Я уже вырвана из него.

Заходит сын. Мысль перескакивает на него, и я думаю: «Как он будет жить без меня?» И ничего другое мне в голову не приходит. Говорить я не в состоянии, только плачу и гоню сына: «Иди, иди. Делай уроки». Ел он, не ел, что в школе, какие оценки – всё это было в прошлой жизни. А сейчас...

Сейчас неизвестно, будет ли у него мама через год-два.

С утра заторопившись на работу, я не закрыла дверки шкафа. Теперь, глядя на его содержимое, думаю, что, когда я умру, всё это за ненадобностью рано или поздно перекохнет в мусорные баки. Зачем я накупала столько вещей? Сейчас они не выручат меня. Мне не нужно оказавшееся прочнее меня многоцветие выглядывающих из шкафа рукавов и юбок... Перемены слишком ужасны...

Я смотрю на картину, которую давно хотела перевесить, на журнальный столик, который планировала заменить на более подходящий к обстановке, и понимаю, что все эти мелкие, и не только, хлопоты остались в невозвратном прошлом, где я чего-то добивалась, к чему-то стремилась и как-то не заметила, что потеряла главное-здоровье! И вот-вот могу потерять жизнь. Это не мотивирует меня на действия, нет. Происходящее – данность. Судьба. Ни единого раза не мелькает у меня в мыслях предположение об ошибочности диагноза.

Вбегают приехавший с работы Андрюша, сжимает меня в объятьях и растерянно повторяет: «Как же так? Как же так?» Никогда я не видела своего мужа таким потеряннным. Всё происходящее – как дурной сон. Но это – увы! – не сон. И не фильм, хотя я отстраненно смотрю на всё. Может ли всё измениться так внезапно? Как в это поверить? Но я уже поверила. Меня уже нет. Той, прежней. Я понимаю, что мне осталось только выйти. Сойти с поезда, именуемого «жизнь», причем на ближайшей станции.

Сын держится в стороне, он напуган происходящим.

Мозг коварен. Почему-то он подбирает факты под теорию, которая не способствует выживанию, противоречит базовому инстинкту самосохранения. Я отдаю себе полный отчет в этом. И в то же время не верю никаким доводам разума, считая, что «подсознание» говорит мне правду, ум усыпляет напрасной надеждой, а близким остаётся только утешать меня, поэтому верить им глупо.

Не слушая доводы разума, я в мыслях склоняюсь к худшему развитию ситуации: «Раз я не оказалась счастливицей, попав в число раковых больных, значит и дальше всё пойдёт по худшему сценарию. Мне и в институте-то никогда не везло на экзаменах». Так я думаю.

...Нет, я не боялась рака: просто была убеждена, что эта тема не зазвучит в моей жизни. Мои панические настроения вызваны моими представлениями, что рак – это смерть. И не стремилась расширять свои «познания» в этом направлении, напротив, защищая себя, выключала

телевизор и выходила из разговора, если появлялась тема «рака». Я слышать о раке ничего не хотела! Мне казалось, что это ужасное горе, которому нельзя помочь. Сейчас это коснулось меня.

Изо всех сил я пытаюсь прислушаться к себе и услышать ответ на вопрос: «буду ли я жить?». Не смотря на хаос в голове, я осознаю, что душа и разум на редкость едины в негативных ожиданиях. И это прочный заслон на пути обретения надежды и веры. Будущее всегда не безынтересно, но сейчас я хочу знать, действовать ли мне, или все попытки обречены... обречены... обречены...

...Я была уверена, что рак косит целые семьи. А в нашей семье этой хвори, можно сказать, что и нет, поэтому я на сто процентов была убеждена, что не заболею раком. Располагая большими знаниями по этой теме и не имея заблуждения, что рак наследственная болезнь, я бы хоть как-то проверялась. Ведь я знала другие слабые стороны своего здоровья и проходила время от времени обследования. Моя уверенность, что раком заболеть я не могу, сгубила меня. Даже запись на обследование была чистой случайностью, спровоцированной льготной ценой и близостью медцентра к моему дому.

Или это мой ангел-хранитель протянул мне руку помощи? А иначе мне не пришло бы в голову обследоваться на рак груди, или, скажем, выяснять, есть у меня болезнь Альцгеймера или нет.

Первые дни новой жизни

Что делать? Сестра моя работает в областной больнице нашего города, и ей хорошо известен весь арсенал средств лечения и условия, в которые я попаду. Известно и отношение к раковым. Поэтому она упорно настаивает на лечении за границей. Я вяло возражаю, что это нереально в нашем нынешнем материальном положении. Но Люба убеждает: «Надо прислушаться к мнению доктора. Если он сказал, лучше лечиться за границей, значит, это и надо делать. Здесь лечение тоже не бесплатное, но заведомо худшее. Нельзя терять время». Андрюша поддерживает её, но организация лечения ложится на Любу, как на самую опытную и часто бывающую в Европе из нашей семьи.

Сестра уже списывается с различными зарубежными клиниками, присылает адреса сайтов, пытается обсуждать со мной ближайшие шаги, но я не в состоянии даже вникать во всё это. Я плохо соображаю. Ужас сковывает меня так, что я не в силах сосредоточиться на разговоре. Мне хочется сказать, чтоб меня больше не трогали, ведь всё это бесполезно, всё! С трудом слушаю Любины объяснения, и слепо шарю по присланным мне сайтам клиник, почти не улавливая информацию.

Единственное слово, которое в разных комбинациях я набиваю в поисковике Яндекса – выживаемость. И читаю, читаю всё подряд – специальные малопонятные мне медицинские статьи, форумы таких же несчастных женщин (как их много!), оказавшихся перед болезнью с детьми и без денег. Не читаю только о «волшебных» нетрадиционных методах лечения рака, будучи уверенной в полной бесполезности этих методов и небескорыстности их авторов.

Я не могу примириться с тем, что ещё вчера я располагала здоровьем, которое меня ни в чем не ограничивало, и 100% жизни, а сегодня при этой стадии проценты пятилетней выживаемости от 47 до 70 в разных источниках. Это невозможно принять! Я всегда собиралась жить долго-долго, а сейчас неясно, смогу ли я прожить даже только пять лет. И что это будет за жизнь? Я в тисках ужаса: неужели это всё??? Жизнь позади, и неосязаемая, невидимая смерть вплотную подкралась ко мне! Всё нерабочее время я реву, спрятавшись под одеялами в кровати, и не могу остановиться. Известие о болезни полностью сокрушило меня.

«Ещё вчера, вчера я была совершенно здоровой – беспрестанно повторяю я, отброшенная навсегда от этого «вчера», на что муж отвечает: «Ты не была вчера здоровой, ты уже длительное время больна, и хорошо, что теперь ты узнала это и можешь принимать меры для выздоровления». Да, больна давно. Доктор сказал, что эта опухоль диаметром почти пять сантиметров росла долго, лет пять-семь. Я вспоминаю, что могло стать толчком для её образования. Но какое это теперь имеет значение?

Всё многообразие жизненных планов сузилось до представлений о неминуемой, скорой и мучительной смерти. Я боюсь боли, я боюсь умирать долго. И застреваю на пугающих и безысходных мыслях о смерти. Неожиданно мне приходит в голову и утешает, и придает решимости мысль, что и сейчас, даже сейчас свобода действия никуда не исчезла. Если грядущее будет мне не по силам, я сама, сама поставлю точку, когда станет неумолимо. Спасение от боли найдено: смерть, всё равно смерть.

Это с позиций православия грех, но я готова согрешить. План осуществления этого наилучшим способом (быстро и наверняка) уже созрел у меня в голове. Хочу заручиться помощью Андрюши, но он кричит, чтоб я и думать так не смела. Он не понимает меня. Я замолкаю, оставшись при своём мнении и чувствуя, что имею выбор, ужасный выбор, но решение об удерживании контроля над моей жизнью до конца, сохраняет моё достоинство... Или то, что от него осталось.

Я ни от кого не жду помощи и не верю в чудеса. Нет слов, которые бы уменьшили моё горе. Но я прижимаюсь к мужу, и когда Андрюша обнимает меня, чувствую себя несчастным,

слабым ребенком, плачу и успокаиваюсь. Объятия становятся чем-то большим, чем мне было известно до сих пор. Прикосновение. Это единственное, что утешает хоть ненадолго. Действительно утешает. Эти объятия – последнее, что у меня осталось. Реальность, данная мне в ощущениях.

Отсутствие нужной суммы денег на лечение мучительно переживается мной. Из активов есть только недвижимое, на нас висит ипотека, накоплений нет. Я обреченно заглядываю в шкатулку с немногочисленными золотыми побрякушками. Очевидно, что за них можно получить смешные деньги, несопоставимые со стоимостью лечения. В голову от безысходности приходит шальная мысль – документальный фильм обо мне про операцию удаления груди в прямом эфире и прочее. Может, за это я выручу хоть какие-то суммы? Моё заторможенное состояние и мысль об возможных ошибках хирурга, оперирующего на камеру, препятствует реализации и этой жалкой идеи.

Есть ещё новая, ни разу не одетая норковая шуба из Греции... В чехле, с несрезанной этикеткой. Блэглама, мягкое золото. Она ликвидна, стоит дорого. Я предлагаю продать её. Она не нужна мне теперь!! Но совершенно равнодушный к женским нарядам Андрюша неожиданно резко возражает мне. С потемневшим лицом он говорит: «Шубу трогать не будем. Выздоровеешь и будешь в ней ходить». Эта представляется мне чем-то несбыточным, но я знаю, что есть вопросы, в которых Андрюша непреклонен. Больше мне по части нахождения денег придумать нечего.

Я подумываю, не обратиться ли мне за помощью на работу или в местные телеканалы? Но представление, как это будет реализовываться, останавливает меня. Допустим, я обнародую на работе свою беду. Что это даст помимо пересудов? Кто-то, агитируя помочь мне, пройдет по отделам. Большинство, чтоб как все, проявить человечность, сдаст по сто рублей. Меньшинство, может быть, по пятьсот. Итого соберется десять тысяч рублей. Да даже двадцать тысяч. Плюс позор огласки.

Или телеканалы. Бегущая строка? Помогите такой-то, расчетный счет, частокол мелькнувших цифр. У меня и счета-то нет. Или приезд телекомпании домой. Полгорода за ужином сидит и, поглощая еду, равнодушно смотрит эти привычные сюжеты. Сколько таких сюжетов видела я сама! Камера возит по квартире: а вот ребенок этой нуждающейся в дорогостоящем лечении, помогите, расчетный счет. Нет. Я не могу. Даже сейчас я не могу так раскрыться перед посторонними. Даже перед лицом смерти.

К счастью, у меня крепкий сон. Хоть какое-то спасение от взорванного новостью мозга. Только первую ночь после сообщения диагноза я не могу уснуть: голова разрывается от мыслей, «кипит мозг» – вот когда смысл этого выражения в полной мере становится ясен мне. Все прочие дни ложусь рано и проваливаюсь в сон, как в омут.

Всё теряет смысл: работа, домашние хлопоты, да я ничем и не занимаюсь. Всё это отделилось от меня. И я отделилась ото всех. Мне кажется, что «они», все «они» живут, а я уже как никогда отделена ото всех, приговорена, и жизни мне остаётся капля. Отчуждение. Я иду по улице и думаю, что не увижу своего сынишку выпускником; не доживу до того времени, когда в строящиеся рядом дома начнут заселяться новоселы, что мне уже не суждено состариться и даже сносить свои обновы. Раздавленная диагнозом, чувствую себя чужой всему, апатия затопила меня. Обнажается единственная главная ценность – жить. А она ускользает... Прочие надобности, ещё вчера занимавшие меня, обесценились полностью. Вся моя хорошо организованная жизнь летит в пропасть, всё то, чем я жила, что планировала, грубо отнято диагнозом. Я как рыба, выброшенная из воды.

Но я продолжаю работать и проходить обследование в медцентре. За немалые деньги. Времени связываться с «бесплатной» нашей медициной нет.

И этот каркас дел как-то удерживает меня, смятую горестной вестью, от полного отчаяния. Меня совершенно не занимает отсутствие еды в доме для семьи (мне самой кусок не лезет

в горло), пыль на полу, накопившаяся стирка, но я помню, что на работе появиться зарёванной нельзя и наношу макияж больше обычного, пытаюсь скрыться за ним от неминуемых расспросов. Хотя, конечно, коллеги замечают несвойственные мне замкнутость и невесёлость. Только погружаясь в решение рабочих вопросов, я ненадолго освобождаюсь от мучительно-навязчивых мыслей о болезни и близкой смерти, получаю кратковременную передышку.

Живу или доживаю? в какой-то жуткой пустоте и тишине. Совсем одна, не смотря на участие близких. Жизнь продолжается, но не для меня. В один из дней иду делать биопсию и у кабинета вижу сидящих в очереди на приём к онкологу женщин, самых обычных с виду женщин. Это тоже, скорее всего, онкопациентки. Я с жадностью всматриваюсь в нейтральные лица таких же, как я, несчастных, и только сейчас осознаю, что я не одна такая. И я, и эти женщины столкнулись с огромной бедой. И мы уже горим в аду своих обоснованных страхов, но горим удивительно невидимо для всех окружающих. И это ещё одно открытие. В мегаполисе, где ежедневно видишь и не замечаешь тысячи людей, столько, оказывается, безмолвных носителей огромного горя. Незаметного равнодушному прохожему. И как смешно всё то, что раньше представлялось горем мне! Размолвки с близкими, случайная «тройка» в четверти у ребенка... Ерунда, отнявшая все силы и здоровье... Даже ушедшие в прошлое перестроечные годы, неопределенность и бедность тех лет, развод не идут ни в какое сравнение с испытанием онкодиагнозом.

Пациентки одна за другой входят в кабинет и покидают его, подходит и моя очередь. Я представляю, что такое биопсия. Боюсь физической боли. Но боюсь как-то вяло, подавленная диагнозом. Доктор делает мне местный наркоз и затем из «пистолета» выстреливает в грудь устрашающе толстой иглой: боль резко и ошутимо пронзает тело. К вечеру «раненая» грудь покрывается безобразными лиловыми разводами синяка.

Любаша отправляет через посредников данные обследований в одну немецкую клинику и получает ответ о стоимости операции и продолжительности лечения. Заявленная стоимость операции в 16 000 евро обнадеживает, это всё-таки не два миллиона рублей. Ответ приходит в понедельник, ровно через неделю после деланья маммограммы, и через два рабочих дня после отправки первого запроса в четверг вечером.

Доктор, заведующий отделением сенологии в клинике для онкопациентов в немецком городе Эссен, готов посмотреть меня и взяться за лечение, начиная со вторника.

Происходящее как круги на воде от упавшего камнем диагноза, но я воспринимаю всё отстраненно и равнодушно. Я не верю, что можно помочь в моей ситуации. Я в шоке. Хотя это слово затерли бесконечным применением, но именно оно описывает моё состояние. Заторможенное состояние ещё не оправившегося от удара человека.

Появляется некоторая ясность по поводу предстоящих расходов: предварительная стоимость лечения, оплата посредников, почасовые услуги переводчика, стоимость перелёта, проживание в отеле, еда. Идея лечиться в Германии преобразуется в план действий.

Можно бронировать билет на самолет: к счастью, моя июньская греческая виза действительна до декабря. Совсем недавно, в прошлой жизни, я планировала в эти осенние каникулы с Макаром ещё раз побывать в Европе. Наличие шенгена позволяет улететь в ближайшие дни, не тратя драгоценное время на получение визы.

Ехать в Германию мне предстоит одной, так как муж не может сопровождать меня, он невыездной: работа у него связана с секретностью. Я не испытываю уверенности, впервые собираюсь самостоятельно ехать за границу (прежде я ездила лишь в составе туристических групп), с куцыми остатками давних школьных знаний английского, да ещё такая надломленная и беспомощная.

Сделаю отступление: во время поисков в сети информации о раке груди я наткнулась на упоминание о книге Дарьи Донцовой «Я очень хочу жить» и тут же приобрела её в близлежащем магазине, отворачивая от кассира заплаканное лицо. Об авторе Донцовой я слышала, но

никогда не читала её книг, я читаю другие книги. А эту прочла в тот же вечер. Книга описывала схожую с моей ситуацией: неожиданное диагностирование рака молочной железы (причем 4 стадии), лечение подробно: операция, химиотерапия, лучи; все страхи и переживания женщины и преодоление этого недуга.

Я, и не я одна, разумеется, очень благодарна автору за написание этой книги. Путеводитель, соломинка, за которую я попыталась ухватиться. Мне было необходимо понять, что ситуация стандартная. Небезнадёжная. Что есть не только начало этого кошмара, но и конец (не смерть). Что можно сохранить не только жизнь, но и вернуть её качество практически в полном объеме. В это хотелось верить, тем более, что после диагностирования последней стадии, Донцова прожила более пятнадцати лет, и продолжает быть успешной, энергичной женщиной. Годы жизни, это убеждает как ничто другое. Убеждает лучше, чем доктора и близкие, ни единому слову которых я не верю.

Эта книга – пока единственный островок в затопившем меня море неверия. «Исключение, подтверждающее правило?». Страшно.

Я желаю Дарье Донцовой жить долго-долго, она теперь воплощенная надежда для женщин, ступивших на этот трудный путь.

Немногим я рассказываю о случившемся, но весь мой ближний круг поддерживает меня. Морально и материально. Все предлагают деньги, опережая просьбу о них. Опережая, потому что я думаю лишь о болезни, и не вижу выхода, не планирую никаких действий. Я рассказываю Андриюшиной сестре Лене о диагнозе и успеваю удивиться быстроте, с которой она переводит разговор в плоскость действий. Сами действия меня не занимают. «Поздно», – убеждена я.

Силы покинули меня, и я ничего с этим не могу поделать. Вмиг лишенная будущего, я загипнотизирована вопросом: «Почему?» От меня, безвольной и надломленной, проку мало. Думают за меня близкие: Андрияша, Любаша, Алёша, Лена, Вадим. Они созваниваются, согласовывая свои действия и привлекая меня только, когда без этого не обойтись, нащупывают пути решения проблемы.

Я хорошо осознаю свою полную непригодность для участия в решении всех этих вопросов. Мне не понятно, откуда у меня берутся силы даже просто ходить, настолько я выбита из колеи. Вся моя «активность» схожа с бегом курицы после того, как той отрубили голову. Движение по инерции. Подругам говорю: «Идите, проверьтесь. Эта болезнь дает ощутимые симптомы только перед финалом».

Как механическая кукла, беру в своем банке реквизиты для перевода мне денег – Лена, Андрияшина сестра, велела мне это сделать. Потом, с трудом сосредотачиваясь на этом простейшем деле, отправляю эти данные Андриюше, Лене, Вадиму. Они будут перечислять мне деньги на мою обыкновенную зарплатную карточку для оплаты лечения в Германии. Других карт, за ненадобностью, у меня нет...

Нет так необходимой теперь евровой карточки, и делается она около двух недель, а уезжать надо быстрее. Сестра дает мне свою карточку, объясняя, как пользоваться банкоматами в Германии. И просит не волноваться: «Деньги пришлем. Два миллиона – сумма реальная». Я молчу, не возражаю, хотя мы с Андриюшей держали в руках такие деньги только, когда покупали квартиру.

Деньги... Их приносят нам Алеша с Любой. Вадик. Присылают Лена с Рафаилом. Андрияшин старший сын Антон. Наш Игорь. Денег нужно очень много! И немедленно. Онколение требует огромных сумм.

Наши собственные с Андриюшей возможности раздобыть двадцать тысяч евро для начала лечения в считанные дни невелики.

Надо сказать о болезни родителям. Они только что приехали в город с дачи в самом прекрасном настроении и хотят повидаться. Я, сама мать, понимаю, каково им будет узнать о моей болезни. Я ни с кем не хочу говорить, поскольку никто в моем окружении не знает то

единственное, что мучает меня сейчас – буду ли я жить? И сколько? Я безутешна, и говорить с родителями не в силах. Утешения, которым я не верю, слушать тем более не могу. Сообщение о моей болезни я тоже взваливаю на Любашу.

Я не готова умирать! И не готова бороться за жизнь. «Какой смысл действовать, махать кулаками после драки. Всё уже произошло. Это непоправимо», – думаю я, выпав из повседневности и находясь где-то между жизнью и смертью. Погребенная в вязкой трясине переживаний. Положительные эмоции все до единой покинули мою жизнь в кабинете Перова.

Как нужна опора! Хоть капля надежды... Но мне, бесконечно и обреченно обдумывающей своё положение, кажется, что оснований для надежды нет. Я убеждена в своем здравомыслии. И не могу не верить себе. Двери для надежды плотно закрыты. В глубине души я хочу быть разубежденной, и тем горше мне осознавать недостижимость этого. Мне даже не приходит в голову мысль, что у меня депрессия. И что она искажает моё восприятие.

На работе, помимо дел, чищу компьютер. Сажу и удаляю все свои личные файлы, фото, документы и рецепты. Навожу порядок в столе особенно тщательно. Скоро я уеду, а вот вернусь ли? Мусорные корзинки и на рабочем столе компьютера, и под столом наполняются. Ничего личного не должно остаться после моего ухода.

Близкие стараются вселить в меня надежду, но их разговоры только об этом раздражают. Попытки подбодрить, утешить выглядят большей частью неловко и неубедительно, лишь укрепляя меня во мнении о безнадежности ситуации. Пожалуй, лучше других со мной говорят Люба и Лена, их слова не вызывают отторжения. Я стала оголенным нервом, но их слова не ранят меня. Не ранят... Хотя убедительной аргументации, подкрепляющей слова утешения, о которой я мечтаю, нет... Её нет...

Я вслушиваюсь изо всех сил! Затёртые, никчемные, ничего не значащие бессильные слова. Ни в чем хорошем не убеждающие интонации. Я не могу, зацепившись за них, удержаться на плаву... Слова сливаются в общий лишенный смысла щебет птиц, похоронным маршем сопровождающий меня теперь на моем одиноком пути.

Я растеряна, как жить дальше – не представляю. Впервые в жизни мне нужны помощь, поддержка, совет. Звоню близкой подруге Анне поделиться своей бедой. Застигнутая врасплох нестандартной ситуацией, та выдавливает: «Держись, прорвемся». И эти слова – всё, чем она может меня поддержать?! Я на что-то надеялась, набирая её телефон, а сейчас... Мне режет душу её неискренняя, нарочито-бодрая интонация!! Мы всегда понимали друг друга, но теперь Анна произносит шаблонные, пустые слова. Лучше б она вообще молчала! Я не осуждаю. Нет. Но остро чувствую: Анна понимает тяжесть и непоправимость этого. Акцентировано-энергичные интонации её голоса, призывы «не падать духом» только подтверждают мои подозрения. Пропать ложится между нами, здоровой и больной. Я физически чувствую эту преграду. Преграду, а не поддержку... Вот такое открытие...

Как бы я хотела, чтоб возник кто-то и изъясил меня из того кошмара, в который превратилась моя жизнь! Но избавления нет.

Я понимаю, что говоримое мне ничего общего не имеет с правдой, и испытываю острое желание узнать её, хотя, возможно, это мне не по силам пока. Как бы я хотела услышать информацию без прикрас, чтоб знать, к чему надо быть готовой! Мы с Андрюшей планируем свою жизнь, и всегда у нас несколько претворяемых в жизнь долгосрочных планов. А теперь всё идёт прахом. Полная неопределенность во всем.

Ужас плещется во мне, вытесняя способность здраво мыслить. Я представляю, что не только осирочу своих детей, но и предварительно загоню всю семью в глубокую финансовую яму. Изуродую их жизнь, избавлю от с трудом заработанных позиций и благ. Страх и вина... И безнадежность. Ни у меня, ни у моих близких нет этих двух миллионов рублей, отделяющих меня от жизни помимо болезни.

Самой лучшей утешительницей для меня становится сестра. Незадолго до отъезда она приглашает меня в кафе. Машинально, без тени прежнего удовольствия я, приодевшись, спускаюсь на лифте вниз. Из чистого, ярко освещенного безмолвного подъезда выхожу в сумерки двора, где уже в машине ждут меня Алеша и Люба. Алеша подвозит нас к полупустому кафе.

Когда мы с сестрой заходим в теплый зал с колоритным восточным интерьером, моё сфокусированное на болезни внимание поневоле переключается. Играет музыка, доносятся обрывки разговоров и смех с соседних столиков. Мы изучаем меню и делаем заказ. Разговариваем о разном, не только о всё заслонившей болезни. Любе удастся найти убедительные слова, в которых я, даже с теперешней недоверчивостью и подозрительностью, не вижу пустых утешений. Слова, переводящие ужас неопределённости и обреченности в плоскость действий, обеспечивающих выздоровление. И я впервые поддаюсь, впервые вижу неверный, тонюсенький лучик надежды.

Подготовка к отъезду

Остается уладить дела с работой перед отъездом. В конце рабочего дня иду в медцентр за больничным, предварительно обговорив это по телефону. Но не тут-то было. Под предлогом того, что меня принимали многие врачи, но не онколог, в больничном мне отказывают и предлагают обратиться в поликлинику по месту жительства. (А между тем диагноз мне поставил именно врач – онколог, но в медцентре он числится как УЗИ-ст.).

Вечереет, уже около пяти часов, я тороплюсь в поликлинику по месту жительства, ведь мой вылет завтра. У меня даже нет карточки пациента, поскольку в этом районе я живу четвертый год, и мне не случилось болеть и обращаться ко врачу.

Поликлиника располагается в историческом здании, выстроенном ещё до революции 1917 года благотворителями как приют. Счастье, что благотворителям не дано видеть, как выглядит их подарок городу на заре 21 века...

На фасаде металлическая табличка: «Осторожно, возможно падение сосулук с крыши». Захожу в вестибюль и попадаю в интерьеры времен своего детства, ни малейшего намека на современность. Впечатление гнетущее: видимо, последние сто без малого лет внутренний ремонт здания заключался в небрежной покраске масляной краской всего, что переставало радовать глаз. И только. Всё прочее под стать. Трубы со ржавыми потёками, полузаचाхшие кривые и уродливые пыльные растения в выгоревших от солнца пластмассовых горшках на подоконниках, громко скрипящие деревянные ступени, по которым я поднимаюсь на второй этаж. Пожилая женщина-врач, неприветливо предлагающая мне выйти из кабинета и не мешать ей обедать, поскольку она только что на рабочем столе среди бумаг разложила на газетке бутерброды с сыром и налила себе кружку чая.

Её обед длится недолго, дольше забивает мои данные в регистратуре одним пальцем близорукая неопрятная женщина почтенного возраста. Работает она медленно и плохо, не прекращая рассуждений о размере своей зарплаты, и видно, что прочее (очередь, например, к окошку регистратуры) её не занимает.

Доктор, совещаясь по сотовому с замглаврача, под урчанье древнего низенького холодильника «Юрюзань 207», стоящего тут же, заполняет карточку, представляющую собой тощую книжицу из билетно-туалетной бумаги. Затем просматривает результаты обследований, включая справку о гистологии, что, как мне уже объяснили, является юридическим документом о наличии у меня диагноза РАК, и выписывает, но не дает на руки, больничный. Она обещает завтра выдать больничный в обмен на копии обследований. В поликлинике копировать не на чем.

Пожилая медсестра-пенсионерка с бесформенной фигурой и седыми, забранными в полуразвалившийся пучок волосами участливо спрашивает: «Грудью кормила?», и в ответ на мой кивок вздыхает: «Молоко плохо перегорело. Много вас таких».

Среди прочего доктор спрашивает, есть ли у меня связи в онкологическом диспансере, и дает туда направление. Узнав, что связей нет никаких, подытоживает – вряд ли Вас положат раньше, чем через два месяца – там очереди.

Два месяца!!! Это громадный срок! болезнь не ждёт, она расплзается по организму, с каждым днем уменьшая шансы на благополучный исход, уменьшая эти драгоценные проценты выживаемости.

Но у меня, слава Богу, есть действующая для моего спасения и не допускающая мысли о плохом семья. На следующий день я улетаю в Германию.

Не буду останавливаться на прощание с семьей – мужем и сыном. Тяжело обнимать щуплые плечики моего растерянного мальчугана.

Отъезд

Родители приезжают проводить меня в аэропорт, и когда я, обводя взглядом зал, неожиданно вижу две их поникшие фигурки у стойки регистрации, кардинально меняется и моё поведение. Не могу я перед своими пожилыми родителями предстать такой несчастной, я уже взрослая девочка. Горе слишком велико, чтоб разговор о том единственном, что всех нас мучает, мог облегчить душу.

Поэтому, как обычный отъезжающий, я завожу разговор легковесный, в шутовском тоне, мол, в Европу отправляюсь, имидж сменяю, пополню ряды амазонок. Папа подхватывает привычный с детства тон ерничанья. Кто мог знать, что в такой момент пригодится это клише?

Изображая беззаботность, постепенно срастаюсь с ролью и качусь по хорошо известным мне рельсам, когда человек на людях появляется в маске, непроницаемой для окружающих и надёжно скрывающей его истинное состояние.

Я «вступаю на сцену», зная, что я интересная хорошо одетая женщина, с замечательной стрижкой, украшающей меня, с модной дорогой сумкой. Впереди дорога в Германию, где я до того бывала только проездом в Дрездене, что-то неизвестное. И чувствую я себя физически хорошо. Все мои страдания как-то отодвигаются наконец. Перецеловав маму, папу, мужа, я лёгкой походкой иду на досмотр.

Говорят, что у больных людей часто отказывают тормоза. Может быть у других «да», но не у меня. С этой минуты отъезда с родной земли в непредставимую мной заграничную клинику я безупречно выстраиваю свою линию поведения на внешнем плане. Я хорошая, обычная попутчица, собеседница, прохожая. Все фигуры «марлезонского балета» исполняются мной в социуме без малейшего намека на моё внутреннее состояние полной потерянности и беспомощности. Хаос замаскирован, но именно он правит бал. Я не хозяйка себе. Щелка в водоворот событий.

Дорога до Дюссельдорфа не занимает много времени: в 18.00 я вылетаю из N, а в 23.00 по местному времени приземляюсь и с толпой пассажиров спешу в сторону таможни.

Я в Германии

Вокруг ничего мне не говорящие частоколы надписей на немецком. Рослые требовательные таможенники, просматривая документы, задают вопросы тоже только по-немецки, к чему я не готова. Из немецких слов я знаю «брод», «ферштейн», «ауфидерзеен» и совершенно неприемлимые сейчас «хенде хох» и «Гитлер капут».

Я не понимаю обращенных ко мне слов, но, предупрежденная посредниками, долго шарю, покрываясь потом, в сумке полной файлов с документами, пока нахожу нужные: бронь в отель, обратный билет, письмо из клиники с назначенным термином. Предъявляю. Видя, как я путаюсь в ответах, с трудом подбирая английские слова, таможенник велит мне расписаться и сличает мой автограф с росписью в паспорте. Наконец он пропускает меня. После чего, получив багаж, я выхожу к толпе встречающих.

Из неё меня выводит высокий черноволосый мужчина – Олег, в прошлом мой земляк и даже сокурсник мужа по институту, что выясняется в первые же минуты разговора. Меня радует его русская речь после мучений у стойки таможни. На парковке я знакомлюсь с Мариной – его женой и «принимающей стороной», сажусь в нежно–кремовое авто (никогда не разбиралась в марках) и дивлюсь белоснежным и чистым коврикам в салоне. Мой черный, типично-русский «прикид» отличается от светлых одежд моих оживленных спутников.

Всё здесь по-другому. Даже не смотря на ночную темень, это уже видно. По прихотливо изгибающимся проездам Марина выезжает с территории аэровокзала, и машина стрелой мчится по автобану.

Вскоре за стеклом авто начинают мелькать аккуратные домики, машина подъезжает к освещенному входу в отель, мои спутники в считанные минуты проводят процедуру заселения, обеспечивают мне интернет, выдают распечатку из ГУГЛА схемы прохода от отеля до клиники, говорят, во сколько меня в холле клиники будет ждать переводчик. Я отдаю условленные 500 евро за организацию термина и 50 за доставку в отель.

Так начинается моя жизнь в немецком городе Эссене.

Когда на следующее утро, хорошенько выспавшись (разница во времени три часа), я просыпаюсь в уютном номере и отправляюсь на завтрак, жизнь не кажется мне такой невозможно-ужасной, как в последние дни. Я хорошо себя чувствую, вкусно завтракаю, выпиваю чашечку крепкого кофе и принаряжаюсь для первой встречи с доктором. Смешно, но я испытываю желание продемонстрировать немецкому доктору, что русские женщины недаром славятся своей красотой в мире. Глупо, конечно, идти к онкологу, чувствуя себя представительницей русских женщин, а не пациенткой, но пусть лучше в голове будут глупости, нежели отчаянье.

Клиника в Эссене

Я впервые предоставлена себе за границей: нет ваучеров, экскурсоводов, толп туристов вокруг. Тихий безлюдный район, похожие друг на друга домики. Иду по пустынному тротуару, вдоль которого высятся платаны.

Клиника оказывается в пяти минутах ходьбы от отеля, и, свернув в первый проулок, я вижу её такой, как на снимке с сайта клиники. Невысокое, бледно-желтого цвета ничем не примечательное здание. Видимо, с этой точки и была произведена съемка. Стеклопакетные двери при моём приближении открываются, и вот мне уже навстречу идет улыбающаяся светлорылая неброско одетая женщина моих лет. Знакомимся, переводчицу зовут Ефгения, она русская, бывшая москвичка. Ефгения подвижная, крутит головой, скалит в улыбке зубы. Спешу по белоснежным коридорам за ней. Мы проходим вглубь клиники и, расположившись в уютном холле, начинаем заполнять анкету.

На подобные вопросы я отвечала и в России, и из ответов следовало, что я никаким образом не попадаю в группу риска. В моей семье не было раковых больных, если не считать дедушку, который заболел раком лёгких в 78 лет и через год умер. Но дед курил чуть ли не с пятнадцати лет по две пачки в день в течение всей своей долгой и удивительной жизни, закуривая, что называется, одну сигарету от другой. У меня родилось двое сыновей, каждого из которых я кормила грудным молоком больше, чем по году, я была «молочная» мама. И кормила именно правой грудью, в которой разрослась опухоль. Я не похудела, а, напротив, поправилась в последнее время. Питалась я исключительно правильно, давно уже и домашним запретив покупать продукты, избыточно разнообразные. Не курила, алкоголя, правда, не чураюсь, но это было только красное сухое вино время от времени и в небольших количествах. Занималась спортом, любила баню и никогда никому не завидовала.

И всё-таки я заболела. Почему??? Это слишком несправедливо. За что??? Что я сделала не так? Можно ли вылечить? Множество вопросов без ответа.

Итак, анкета заполнена; мы ждём в очереди приглашения на консультацию к доктору. Многие ожидающие приёма пациенты листают журналы, разложенные на столиках холла; на столах минералка и одноразовые стаканчики. Я задаю Ефгении вопрос за вопросом, так как всё вокруг представляет для меня загадку, включая моё состояние. Вероятно, я, как переговорщик, не на высоте; осознаю, что не могу даже чётко сформулировать вопросы, на которые мне нужны ответы, ввиду своей полной некомпетентности. Как могу, пытаюсь искупить недостатки содержания своих вопросов максимально корректной и дружелюбной формой. Прилагаю максимум стараний, понимая важность комфортных отношений и свою зависимость от Евгении.

Собственно, умение налаживать отношения с малоизвестным контрагентом в короткие сроки – важная составляющая моей работы, это никогда не вызывало у меня затруднений. Но в ответ чувствую сопротивление и необъяснимое неудовольствие переводчицы. С плохо скрываемым раздражением воспитательницы детсада, обреченной сторожить беспомощных детей до конца смены, моя визави отвечает расплывчато, видно, что мои расспросы её злят. Расширять мои представления о клинике и болезни в её планы не входит, в то же время она с удовольствием рассказывает о скандальном разводе известных в Германии (и неизвестных мне) артистов, после чего, найдя в журнале статью с подробностями этого развода, углубляется в чтение. Время ожидания я, разумеется, оплачиваю. Даже погруженная в свои переживания, чувствую полную закрытость Ефгении, небрежно маскируемую неестественной весёлостью и панибратством, от которого веет невоспитанностью. Может быть, переводчица руководствуется какими-то неизвестными мне неписаными правилами поведения, принятыми в Германии, теряюсь в догадках я. Наш диалог по моим ощущениям походит на игру в четыре руки пианистов, упразднивших репетиции. Сыгранности не возникает, не смотря на мои односторонние

попытки наладить взаимодействие. Я не могу ни почувствовать, ни понять Ефгению, ни найти с ней общий язык. Ещё раз добавлю, что она перед собой таких задач очевидно не ставит.

Прекратив расспросы, начинаю разглядывать сидящих вокруг улыбчивых немцев, безо всякого драматизма коротающих время в очереди этой онкоклиники. Наконец нас зовут в кабинет.

Доктор К.

Небольшой светлый кабинет, располагающий всем необходимым оборудованием, чистота, молодая симпатичная приветливая медсестра.

Сразу вслед за нами стремительно входит доктор К. – очень красивый и очень молодой, с мальчишески открытым выражением лица. С такой внешностью он мог бы стать кинозвездой. Это первое впечатление. «До какого числа у Вас виза?», – интересуется доктор и выслушивает мой ответ через переводчика. Доктор внимательно расспрашивает меня, смотрит мои снимки и справки, отвечает на мои нелепые вопросы. А я сижу перед ним, сжавшись, с ужасом на лице, удерживая слезы. И первый мой вопрос (и больше меня ничего не интересует): сколько лет я могу прожить? И робко уточняю: могу – 10 лет? У меня маленький ребёнок, мне надо жить, добавляю я, как будто наличие ребенка умилюстит болезнь. И мне кажется счастьем, если доктор ответит «да». Я уже готова даже только на десять лет жизни, ведь к этому времени я успею вырастить моего Макара, а сейчас он маленький, слишком маленький, чтоб потерять меня.

Пока Ефгения переводит вопрос, доктор внимательно и участливо смотрит на меня, а я пытаюсь вложить в свой взгляд максимум мольбы, чтоб он больше обычного постарался, леча меня, ведь от него теперь зависит вся моя жизнь. Мне надо разжалобить его, стать не просто пациенткой, одной из многих, но выделиться, обратить на себя его внимание, мотивировать его на большие усилия. Попытки манипулировать...

Наконец он отвечает, и я слышу перевод: «Вы проживете десять лет, может быть...» Я холодею... Переводчик продолжает «или 30 -40 лет и переживёте меня». Я не могу не верить красавцу-доктору авторитетной клиники! Вся обстановка меня подталкивает к этому; это не неимеющие веса слова моего немедицинского окружения. И поэтому я начинаю вполне искренне смеяться (впервые! в этой новой жизни) и приглашаю доктора К. на своё 80летие.

Кстати, сейчас ему 42. Я увидела фото доктора на сайте клиники ещё дома, и мне он показался слишком молодым для того, чтоб успеть стать профессионалом, чуть ли не ровесником моего старшего сына. В жизни он выглядит так же, как на фото, лишь при ближайшем рассмотрении видны намечающиеся морщины. У нас, надо признать, редкие мужчины его лет выглядят так молодо.

Я прошу доктора К. удалить обе груди, чтоб уж наверняка! Ради возможности жить я готова на многое. Но он возражает, что это излишняя предосторожность, и здесь не практикуют такие радикальные меры.

С другими докторами он уходит изучать привезенные мной снимки и диск с обследованиями.

Между прочим, в России диагностировали наличие метастаз в печени, но без уверенности, и вопрос был отложен до Германии. Не могу сказать, что меня это расстроило. После известия о раке никакая новость не представляется мне худшей.

Я ещё не знаю, что метастаза в печени – это уже просто продление жизни, излечение невозможно. Я ничего ещё не знаю о раке. Я просто полна страхов.

Доктор возвращается и сообщает, что часть обследований они должны переделать, так как их не устраивает качество исполнения. Он назначает, какие именно обследования надо сделать или повторить, медсестра расторопно записывает меня к специалистам на ближайшие дни, сидя перед монитором. Затем выдает мне аккуратную белую картонную карточку с реквизитами клиники, где в табличной форме помечено, в какие дни и часы я должна быть в клинике и у кого из специалистов.

После этого я раздеваюсь (это первый в моей биографии немец, перед которым я топлесс), не чувствуя себя женщиной, а только объектом докторских манипуляций, и доктор

К. делает биопсию. Всё так же, как в N. Местная анестезия, пистолет, выстрел, боль. Только стреляет он в уже обезображенную побледневшим и пожелтевшим синяком грудь.
На сегодня это всё.

Знакомство с Эссеном

Я выхожу из клиники с Ефгенией, делать мне совершенно нечего: она предлагает подбросить меня до центральной пешеходной улицы Эссена.

Мы едем по аккуратной улочке мимо 4-5 этажных домиков с мансардами, затем сворачиваем на шоссе, и Ефгения прибавляет скорость. Я стараюсь запомнить дорогу. Буквально через пять минут она высаживает меня из своего игрушечно-нарядного авто, взмахом руки показав направление движения, и поспешно отъезжает, так как притормозила в неподобающем месте.

Я стою в двух шагах от железнодорожного вокзала Эссена, в кармане куртки у меня карточка отеля Вебер. Это позже я буду знать, что отель расположен на Рур Аллей. А пока, оглядываясь по сторонам, я запоминаю место высадки. Вокруг спешат люди, переговариваются, смеются. Но я не понимаю чужую речь.

И уже не испытываю так остро горя от случившегося со мной. Погода отличная, теплее, чем в России. Передо мной новый город, всё вокруг мне любопытно, я иду, разглядывая дома и магазины, пешеходов и карусели. И обдумываю этот день. Хотя вокруг слышно множество голосов, эти обрывки речи не загружают мне голову. Социальная изоляция полная. Я одна и почти свободна от своих страданий. Рядом нет близких людей. Нет мужа, к которому хочется прижаться и плакать, не поднимая головы, чтобы не видеть его измученных глаз и наигранного оптимизма. Физически я чувствую себя совершенно здоровой, хотя не подвергаю и не подвергала с самого начала свой диагноз сомнению.

Одна фраза «у Вас рак» перевернула жизнь, обнулив все. Дальше – начинаем по-новой. Как бы это не звучало кошунственно, но люди платят большие деньги за путешествия и другие впечатления, за то, чтоб почувствовать, пережить что-то новое, ищут это новое, а у меня всё сбылось в кабинете Перова. Это ли не новизна! Диагноз – как вызов: прожить вторую, другую жизнь в рамках единственной данной. Но я ещё не подобрала эту брошенную мне в лицо перчатку.

Некоторое время прогуливаюсь по главной улице города, заглядывая в магазины, рассматриваю горожан: мне совсем не попадаются на глаза лица беспокойные или угрюмые, как дома, в России. Ловлю себя на том, что не пропускаю взглядом ни одну грудастую женщину или девушку. Взглядом озабоченного подростка прилипаю к области декольте. «У меня скоро этого не будет», – каждый раз мысленно повторяю, не веря себе, я.

Проголодавшись, вижу, как посреди улицы рослые мужчины в стилизованном под сказочный домик киоске поджаривают на огне аппетитные сосиски. Не могу противиться магии носящихся в воздухе ароматов, дружелюбным улыбкам продавцов и особенно виду источающих сок сосисок: прямо около киоска «обедаю» вкуснейшим хот-догом с длиннющей краковской сосиской и горчицей за три евро. Видел бы меня мой сынишка за этим занятием! Я всегда его ограждала от такого рода пищи, будучи последовательным противником фастфуда.

Захожу в кафе и заказываю кофе с пирожным, устроившись в мягком кресле за крошечным одноместным круглым столиком. Среди посетителей кафе большинство – хорошо одетые пенсионеры: респектабельные и красивые немцы и принаряженные, с аккуратными стрижками и незамысловатой бижутерией немки. Они увлеченно общаются друг с другом, я же, попивая кофе, смотрю через стекло на текущую мимо меня по улице реку пешеходов. Я по-прежнему больна и не могу не помнить это, но и не могу быть несчастна вот именно сейчас, с чашечкой крепкого кофе в руке за столиком с безусловно-белой скатертью в этой европейской кафешке. Отдохнув, направляюсь к своему отелю.

По дороге замечаю хрупкую старушку очень преклонных лет. Она безуспешно пытается справиться с тугой входной дверью в подъезд, да ещё и вкатить свою коляску. Прихожу ей на помощь. Старушка настоящий «божий одуванчик» – легчайшие серебряные волнистые волосы

короткой шарообразной стрижки довершают это сходство. Очень добрая, детски-беззащитная улыбка на бескровном лице обращена ко мне. «Сколько ей лет, 90, больше?» – думаю я, вкатывая её коляску. В этот момент она, поблагодарив, поворачивается ко мне спиной, и я с ужасом вижу её затылок. Неожиданный контраст! На затылке довольно глубокая «дыра» (назвать иначе не могу) диаметром больше двух сантиметров, незаживающая кроваво-красная рана в обрамление невесомых волос. Это не травма, а что-то другое, серьезнее. Как это не вяжется с безмятежным лицом и доверчивой улыбкой! Убеждена, что эта встреча не случайна.

Я теперь чувствую себя в одной лодке с ними, больными людьми. Я такая же. Больше им сочувствую, лучше понимаю.

Перед сном иду в душ и смотрю на своё ещё смуглое после Агадира обнаженное тело. Правая грудь ярко выделяется, словно разрисованная сумасшедшим художником. Следы от дневного выстрела черно-синие, а от первого – желто-зеленые. Такую грудь не жалко и отрезать, подбадриваю себя я! И встаю под горячие струи воды.

Обследование

Клиника Эссена мне понравилась. На приеме у доктора не было ощущения, что я смертельно или даже просто опасно больна. Не зная языка, я видела, насколько организованно и толково началось наше взаимодействие. По словам Ефгении, немцы-доктора сообщают информацию без прикрас. И это похоже на правду.

В течение нескольких следующих дней я прохожу обследование в сопровождении переводчицы, кружась по длинным светлым коридорам и переходам, и ежедневно только за услуги перевода расставаясь с суммами от ста до двухсот пятидесяти евро (почасовая оплата тридцать пять евро). Клиника не провоцирует на негативное настроение, и только однажды я получаю весомое подтверждение тому, что рак – трагедия для заболевшего. Это случается, когда мы с Ефгенией выходим на лестничную площадку. Я обращаю внимание на затянутые сеткой пролёты, интересуюсь, зачем это, и получаю прямолинейный ответ: «Чтоб люди, узнавшие свой диагноз, не бросились в лестничный пролет. Каждые два этажа – сетка». Мне становится не по себе.

В эти дни настроение неровное: моменты хрупкой уверенности в благополучном исходе беспричинно сменяются страхом и жалостью к себе. Даже для такой эмоциональной женщины, как я, переходы стремительны и пугающи. Впервые я веду себя с собой, как дрессировщик с новыми тиграми. Больше приглядываюсь, готовлюсь позже, не сейчас, взять себя в руки, поскольку вижу, что сейчас это невозможно.

Довольно часто в моей жизни случались крутые повороты, но никогда я не боялась таких моментов, напротив, наиболее эффективно действовала в экстремальных ситуациях, проявляя полное самообладание. И оно впервые в жизни покинуло меня сразу после постановки диагноза. Если бы не каркас спланированных семьей действий, я бы сейчас лежала и ревела, ничего больше. Благодаря семье я покорно подчиняюсь происходящему, и только.

Я понимаю очень хорошо, что сию секунду мне не собраться с силами. Ни я это не могу сделать, ни кто-то другой для меня это не сделает. Я разбита, и только выискиваю немногие уцелевшие точки опоры внутри себя, понимая, что надо собирать силы для борьбы с болезнью.

Понимать – то понимаю, но продолжаю с ужасом обвинять себя. Себя, виновную в происшедшем. Вспоминаю свои поездки на недопустимые с этим диагнозом «юга», только в этом году: Казахстан, Марокко, Греция, Астрахань. Потоки так любимых мной обжигающих солнечных лучей. Инфракрасную баню в фитнесцентре, где я добросовестно прочла противопоказания: нельзя с онкодиагнозом. Не зная, что я уже давно, давно живу с опухолью. Русскую баню на даче и жар воздуха на полкэ. Недосыпы. Перегрузки. Регулярные фуршеты на работе. Частые разъезды в другие часовые пояса. Шоколадки, съедаемые за раз в особо нервные дни на работе. Непроходящую усталость. Тяжелые утренние подъемы на работу и взвинченное состояние по вечерам, не дающее заснуть. словно я специально делала всё то, что нельзя категорически.

А болезнь безмолвно развивалась. Да нет, не совсем безмолвно. Два-три года назад увеличилась грудь. Но я полнела, и не нашла в этом ничего странного, даже была довольна: плохо ли иметь пышный бюст? Многие мои приятельницы уже расстались с девичьей стройностью. Оставалось только, сложив оружие, признать, что битва с весом проиграна. Я знала, что с возрастом женщины «сохнут или пухнут», и знала, что моё место среди «пухнувших». Мои грузные бабушки на черно-белых фотографиях с резными краями предопределили это: ни одной худышкой моя семья за последнее столетие похвастаться не могла.

Грудь увеличилась и ныла иногда, в известные дни, а чаще нет. Но я знала аббревиатуру ПМС, и это казалось мне исчерпывающим объяснением, Казалось... Да и боль не была сильной... И я жила с этим, думая, что со мною всё в порядке. Также безжалостно продолжая

относиться к своему казавшемуся несокрушимым здоровью. Только вот уставала. И объясняла это возрастом. Как же я заблуждалась! Судьба-то изменчива. И она заговорила со мной наконец. Голосом доктора Перова. О том, что боль связана с распадом тканей. О разрастающейся и давящей на всё вокруг опухоли.

...Каждый отрезок жизни надо прожить, проработать, перепрыгнуть нельзя, да и не получаются такие «прыжки» – это приходится признать...

Между тем мне делают КТ – компьютерную томограмму – и МРТ, и сообщают, что метастаз в печени нет, есть небольшая киста, но это несущественно. Переводчица очень рада, я, если честно, нет. Какое мне дело до метастаз, если диагностирован рак!! Уже две недели как диагностирован, а я всё ещё не могу принять эту ситуацию и видеть в ней хорошие моменты. Делают сцинтиграфию костей – ничего не находят, и импозантный доктор с улыбкой, как здесь повсеместно принято, энергично жмет мне руку, сообщая это, но моя реакция та же.

Ефгения рассказывает, что в клинике имеются два аппарата для проведения сцинтиграфии, показывающей наличие или отсутствие метастаз в костной ткани. И добавляет: «А в России – три: в Москве, Петербурге и Новосибирске. И очереди на полгода». Приходится утешаться отсутствием очереди, поскольку счет за сцинтиграфию – 800 евро. Однако.

Курс евро подрастает с 43,7 до 45 рублей почти. Это и не рост, а так, колебания... Но при моих счетах в тысячи евро всё это нервирует. Меня, привыкшую экономно относиться к тратам, стоимость лечения деморализует.

Хотя постепенно вся эта деловитая, доброжелательная обстановка начинает на меня действовать положительно. Всё происходит в хорошей клинике, я лечусь у заведующего, чья репутация высока. Он специализируется на операциях мастэктомии (удаление молочной железы) и реконструкции груди, делает множество таких операций еженедельно (Воображение рисует картинку – ведро с отрезанными грудями, бррр..). Среди характеристик, данных ему разными людьми, несколько раз слышу слово «трудоголик». К тому же доктор К. безусловно харизматичен, уверен в себе, добр и внимателен. Мне хочется верить, что он мне поможет, и я хватаюсь за эту веру, что мне ещё остаётся? Это всё, что я могу... Надеяться и верить... Как это сложно сейчас...

Отель Вебер

Во время прохождения обследования я живу в ближайшем к клинике отеле Вебер, открывшемся менее года назад. Это мой первый отель в Германии. День за днем я возвращаюсь в свой номер из клиники почти как домой, тем более, что в номере меня ждут родные: вечерами я не успеваю переговорить со всеми по скайпу. Говорю подолгу, делюсь переживаниями, плачу, смеюсь. Это помогает. Я уже не лечу вниз, в бездну отчаяния. Я чувствую: родные меня держат. Держат, и упасть не дадут.

То же делает и спокойная, благожелательная обстановка этого удивительно тихого отеля. Вообще, тишина – это тщательно оберегаемая немцами ценность их жизни. И мне это нравится. Я завидую белой завистью, вспоминая бесконечный шум наших больших городов, музыку торговых центров, петарды ночами по любому случаю, будящие всех в радиусе километра, оглушительную сирену сигнализаций повсюду припаркованных машин под утро, лай бездомных собак, беспардонно-громкие разговоры, крики, мат и песни загулявших горожан. Здесь, в Эссене, всё по-другому, и это другое мне нравится.

Сейчас, вдали от дома, в комфортабельном отеле, я полностью избавлена ото всех забот, которые перегружают жизнь обычной женщины. И впервые в жизни могу всецело посвятить время решению собственных проблем, что прежде было на периферии моих занятий.

Самая сложная в реализации задача и самая важная – достижение позитивного настроя, оптимистичный взгляд в будущее. Это теперь-то! Когда я ещё не могу принять происшедшее. Впервые я перестаю относиться к себе потребительски, как к эффективному инструменту улучшения жизни детей, и привычно откладывать свои собственные нужды на потом. Мы с мужем полностью совпадаем в установке «жить для детей». Теперь, для себя и для них, я должна заняться только собой. Мобилизоваться перед лицом грозного заболевания. Составить новый план жизни, другой жизни. Всё прежнее, вмиг развалившееся, подобно башням-близнецам в Нью-Йорке, в прошлом.

Лечение спланировано, все свободное время я предоставлена себе. В отеле не задерживаюсь, в номер возвращаюсь с темнотой, все дни кружа по Эссену и фотографируя увиденное. Фото – моё давнишнее хобби. Помимо посещений клиники я должна одеваться, завтракать в отеле, организовывать себе в течение дня хоть какое-то питание, держать своих в курсе дел, оплачивать обследования. Эти заботы, новые заботы в новой и прежде не знакомой мне обстановке, необходимость действовать, отвлекают от мучительных вопросов, на которые ещё нет ответов. И от главного из них: есть ли надежда на жизнь за пределами ближайших трёх-пяти лет. Одиночество не тяготит меня, новизна обстановки развлекает отчасти. Я не могу ни на секунду забыть своё горе, но о самоубийстве уже не думаю.

Тёмными октябрьскими вечерами в своём безупречно чистом номере, расположившись на широченной кровати с гаджетом, я собираю информацию в интернете, обсуждаю её со своими по скайпу. За окном сумерки, изредка тишину нарушает не сдерживаемый стеклопакетом вой неотложки: клиника рядом. Надежда сменяется отчаянием и наоборот. Жизнь изменилась, надо меняться и мне. Приспосабливаться.

В эти дни я впервые сталкиваюсь с термином визуализация, прочитав историю о безнадежном с точки зрения медиков ребенке из Америки, которому метод визуализации спас жизнь. При всем моем предубеждении к «волшебствам», я проникаюсь идеей, что мысль материальна, что она может работать на Хозяина. Довольно быстро перед моим мысленным взором возникает картинка: клетка Т-киллера, убийца раковых клеток в виде агрессивной, карикатурной белой рыбы с наглыми глазами, а её добыча – раковая клетка такая, как она есть, приотливо-растопыренная. Дальше рыбка, выскочив из засады, ест клетку, плывущую по кровотоку. Клетка у меня перед глазами возникает мгновенно, но каждый раз – разная. Иногда – пухлая,

и тогда моя белая рыбка долго-долго истребляет её, плывущую. Иногда клетка изможденная как узник Освенцима, рыбка прожорливо уничтожает и такую. Мне не трудно это вообразить, но проходит минута-две; и картинка теряет яркость и убедительность. А выкарабкавшийся мальчик, победивший рак, если верить информации из интернета, часами представлял эту «бойню», до победного, пока аппаратура не подтвердила отсутствие ранее диагностированной опухоли.

Завтракаю я в отеле, поначалу не ища в Эссене мест, где можно хорошо поесть: для освоения города нужно время и желание. Завтрак – шведский стол – великолепен: богатейший выбор блюд на любой вкус. Но качество завтрака отражено и в цене – 12 евро. Это многовато, но я ещё не ориентируюсь в ценах, да и не думаю об этом: все мысли о болезни, прогнозе. Со мной завтракают и другие обитатели отеля. Их немного. В основном немцы и другие европейцы. Приятно, что персонал при виде меня иногда роняет краткие фразы: «Доброе утро», «Хорошо», «Пожалуйста». Это всё, что они могут вымолвить по-русски, но сам знак внимания приятен мне.

Однажды, придя на завтрак, я слышу от пополняющей тарелку на шведском столе девушки откровенную фразу по-русски, обращенную к спутнику. Мы встречаемся с ней взглядами, и по моим округлившимся глазам она видит, что я её поняла. Тут же перебрасываемся с соотечественницей парой фраз: не упускать же редкую возможность заговорить на родном языке! Группа русских – пять докторов из Москвы – прибыла в Эссен по работе на какое-то мероприятие. Сделикатничав, я выбираю столик подальше от этой сплоченной и шумной компании тридцатилетних специалистов, но до меня тем не менее доносятся их громкие голоса. Один из командированных с увлечением рассказывает, как главврач построил дачу своей любовнице, пользуясь служебным положением... Деньги, истраченные на дачу, не попали по назначению к пациентам... Символично, не правда ли? Вот почему я здесь...

Путешествие в Брюссель

В выходной день (клиника не работает, и я свободна) еду в однодневную поездку в Брюссель. Идея принадлежит Марине, которая курирует меня, иногда позванивая в отель. Она и советует мне отвлечься от переживаний, заказать экскурсию и даёт телефон Михаила, в прошлом москвича, а теперь пенсионера и сотрудника турагентства, специализирующегося на проведении экскурсий по Европе для русских. Решаюсь ехать. Тем более возможность побывать в другой стране удивительно недорого – 30 евро. И мне надо, надо бежать куда угодно от своих безрадостных мыслей.

Созваниваюсь с Михаилом договориться о поездке, и он перечисляет экскурсии на ближайшие выходные: Брюссель, Амстердам, Брюгге, Цюрих и многое другое... Фантастика, всё близко! Михаил помогает сделать выбор. Поездка планируется из Дюссельдорфа, куда мне трудно попасть из Эссена, не зная язык, да и многое другое. Михаил подробнейшим образом инструктирует меня, я даже записываю русскими буквами ряд фраз, которые мне могут понадобиться в дороге, удивляясь, сколько времени на меня тратит мой собеседник.

Рано утром в воскресенье знакомой дорогой пешком отправляюсь на железнодорожный вокзал Эссена. Автобусы ещё не ходят. Город безлюден и тих, изредка проезжают легковушки, редкие окна в домах освещены. Иду быстро, чтоб согреться. В сумке у меня, помимо банковских карточек, загранпаспорт и приличная сумма наличных денег, так как я не доверяю сейфу в номере. И, конечно, я неуютно себя из-за этого чувствую на пустой улице. Хорошей добычей чувствую.

На вокзале нахожу автомат по продаже билетов, но не представляю, как осуществить покупку. Как на грех, вокзал тоже пуст, все ещё отсыплются после трудовой недели. И попросить помочь купить мне билет некого. Это не важно, смело прохожу на перрон: Михаил предупредил, что в поезд (но не в электричку) можно сесть без билета и купить его у контролёра, сказав волшебную фразу: «я не успел приобрести билет, продайте мне его сейчас». Эта фраза записана у меня русскими буквами, листок в кармане куртки.

На перроне стенд с расписанием. Очень быстро я разбираюсь в нём, хоть оно, разумеется, на немецком. Но я знаю номер своего поезда, время отправления. Поезда идут один за другим, скоро подъезжает и мой. Он современный, двухэтажный, поднимаюсь на второй этаж для лучшего обзора окрестностей. В глаза бросается обилие чернокожих пассажиров. Напрасно я комкаю свою шпартгалку в кармане, поджидая контролера. Он так и не появляется, экономя мне десять евро (столько стоит проезд до Дюссельдорфа). Из поезда выхожу, хорошо зная, как дойти до места сбора группы.

Группа разномастная, разновозрастная: есть приезжие из России, есть живущие в Германии бывшие соотечественники. Впервые за последнее время слышу родную речь со всех сторон. Почти все парами или компаниями побольше. Я захожу в автобус и располагаюсь у окошка. Вскоре рядом со мной садится невысокая полноватая женщина, приятным русским лицом напоминающая мне маму моей лучшей подруги детства. Она постарше меня. Знакомимся: попутчицу зовут Альбина, она приехала из Ярославля погостить у дочери и зятя, побыть с внуком. Её единственная дочь замужем за немцем, и такие поездки у Альбины, пенсионерки, регулярны.

Она в свою очередь интересуется, живу я здесь или приехала на отдых. Я отвечаю, что приехала на лечение. И неожиданно для себя добавляю: «послезавтра у меня операция по поводу рака груди». Я не собиралась это говорить, обсуждать мне это ни с кем не хочется. Но, слово не воробей, вылетит, не поймаешь. Может, доброе и внимательное лицо Альбины тому «виной». В ответ она коротко рассказывает о своей родной сестре, сотруднице налоговой службы, которая, наблюдаясь регулярно в ведомственной хорошей поликлинике, неожиданно

узнала в 45 лет, что у неё запущенная стадия рака груди. Операцию сделали быстро, а вот от химиотерапии сестра наотрез отказалась после нескольких процедур, не вынеся мучительных последствий. Состояние после химиотерапии тяжелейшее. И она прекратила лечение, а меньше, чем через год умерла, осиротив двенадцатилетнюю дочь, которую Альбина и вырастила впоследствии. Я бы остро отреагировала на такой рассказ чуть раньше, но сейчас, слушая Альбину, думаю, что у меня другая судьба – моя семья делает всё для моего излечения, теперь очередь в этой борьбе за мной. Надо бороться, нельзя позволить себе быть размазней. Я досаую, что ложкой дегтя внесла в наше недолгое путешествие тему болезни.

Больше мы с Альбиной это не обсуждаем. Любуемся видами Германии, а затем Бельгии из окна нашего автобуса, фотографируем друг друга на фоне достопримечательностей, заходим в магазинчики за сувенирами, обедаем в кафе. Я даже угощаюсь глотком вишневого пива, официант очень рекомендует мне его заказать, но я воздерживаюсь. Послезавтра наркоз, обойдусь без пива.

Льёт дождь. Зонтики цепляются друг за друга на переполненных туристами улицах. В памяти остаются современные здания Брюсселя, красивейшая площадь Европы Гранд-Плас, дом, где Карл Маркс написал свой Манифест (или Капитал?), громадный Собор святых Михаила и Гудулы с чудесными витражами, созданными уже много столетий назад, на выходе из которого я фотографируюсь. И это последний мой дооперационный снимок во всей женской красе. Последний.

День пролетает быстро, голова полна впечатлений, а сумка – сувениров. Везу в ней магниты (куда без них, место на холодильнике ещё есть!), брюссельское кружево (маленькую изящную салфетку), шоколад (надо же хоть когда-нибудь попробовать натуральный и привезти гостинец домой). Жалею, что не смогла купить гобелены. Они великолепны, но дороги. Не могу купить, так нафотографирую! И серия снимков гобеленов пополняет мой фотоотчёт. Путешествия и фотографирование – чуть ли не единственное, к чему не погас мой интерес.

Вечереет. Наш туристический автобус с неизменной скоростью мчится назад в Дюссельдорф. За окном уже густые сумерки скрывают красоту равнин и поселений, выплывающих из темноты гроздьями огней. Я думаю, что вряд ли бы так долго находилась за границей и путешествовала, не случись со мной это. Я только что пересекла границу Бельгии и Германии, а мои сотрудники сидят перед мониторами в офисе на улице Грузинской. Скоро конец рабочего дня. Выбитая из колеи своей налаженной жизни, я сменила направление движения. Маленьким бонусом к огромной беде в мою жизнь вошла новизна. Вошла, чуть потеснив отчаяние.

Когда, выбравшись из автобуса в Дюссельдорфе, мы вдвоём с Альбиной идём к вокзалу, я вдруг спохватываюсь, что забыла фотоаппарат в автобусе. Наскоро прощаюсь с попутчицей, чтоб бежать за фотоаппаратом, пока автобус не уехал. Неожиданно она крепко обнимает меня, размашисто крестит и убежденно говорит: «Ничего не бойся, всё у тебя будет хорошо!». И я убегаю, унося с собой воспоминание об этом горячем напутствии.

Так заканчивается 3 ноября.

Перед операцией

4 ноября выдается хлопотный день. На завтра назначена операция, а сегодня предстоят консультации и МРТ груди.

Это вторая консультация у доктора К. Кстати, ко мне прибыло «подкрепление» – моя племянница Ася, Любашина и Алешина старшая дочь. Она приехала в Эссен накануне моей операции на неделю, чтоб поддержать меня в это трудное время и поухаживать за мной в послеоперационный период. Асин приезд для меня большая радость. А наша встреча поздно вечером вчера на вокзале в Дюссельдорфе – детективная история и авантюра одновременно, учитывая моё незнание языка и европейского устройства жизни. Да и на незнакомом мне вокзале в чужой стране впервые приходится ориентироваться самостоятельно. Чувствую себя победителем, расширившим рамки своих умений, в тот момент, когда вижу Асино родное лицо в толпе пассажиров.

Ася уже несколько лет учится в Австрии и великолепно владеет немецким языком, что важно. За прошедшие дни у меня не однажды возникали сомнения в точности перевода Ефгении, как в том анекдоте, где перевод пятиминутной тирады укладывается в пять слов, и мы договариваемся с племянницей до поры утаить её знание языка.

На консультацию идём втроём: я, Ася, переводчик. Доктор уделяет мне много времени, подробно, со схемами в руках, объясняя предстоящую операцию. От схем, где изображена грудь, изрисованная множеством цветных линий, я стараюсь отвернуться. Из сказанного доктором К. мне запоминается только то, что прооперированная грудь, из которой вырежут опухоль, будет маленькой и аккуратной, как отлифтингованная, а на её фоне здоровая грудь будет выглядеть не очень, и я, возможно, захочу её подтянуть впоследствии. Мне кажется, что эстетике уделяется неоправданно много внимания, и говорю, что пусть отрезают всё, хоть обе, мне жизнь нужна гораздо больше, чем внешние данные. Я несколько раз повторяю это.

В конце консультации медсестра фотографирует мою грудь в первозданном виде, показывая мне этот безголовый снимок.

Только к вечеру, закончив всё намеченное, мы с Асей попадаем в мою палату. Она великолепна. Ничего подобного мне не приходилось видеть, разве что в кино. Просторная, квадратной формы, угловая комната с большим балконом, выходящим в сад с высокими деревьями, роняющими желтые листья на влажные асфальтовые дорожки. Довольно аскетичная обстановка, но всё необходимое есть, включая персональный санузел. На окнах горизонтальные жалюзи снаружи и раздвижные тканые панели внутри. На балконе пара пластиковых кресел и столик. Цветовая гамма светлая и спокойная, о чистоте нечего и упоминать – всё безукоризненно. Ефгения знакомит меня со всеми устройствами: показывает, где в стене за панелью, находятся сейф и холодильник, объясняет, как у кровати можно поднимать и опускать изголовье или нижнюю часть, показывает, как включается-отключается дневное, ночное, точечное и прочее освещение и синеватая подсветка. Все это можно регулировать, не покидая кровать. Отдельного внимания заслуживает санузел с зеркалом во всю стену, где Ефгения указывает мне на несколько красных шнуров, висящих вдоль стен. Практически из любого места их можно достать рукой, и это надо будет сделать для вызова персонала, если я почувствую себя плохо.

Наконец переводчица покидает нас: в отделение лежат и другие русские пациенты, с которыми ей надо встретиться. Мы с Асей идем в кафе, где, расположившись с кофе и пирожными, наконец-то имеем долгожданную возможность поговорить наедине (это не галлюцинации – в отделении рядом с моей палатой уютное кафе). Но вскоре наш разговор некстати прерывает вновь присоединившаяся к нам с чашкой кофе Ефгения, и нам приходится вступить в общий бессодержательный разговор ни о чем: о Москве, о том, как сын Ефгении справлял Хэллуин.

Каково же моё удивление, когда наговорившись, Ефгения включает в «счет» и эту продолжительную болтовню, инициатором которой я не была. Впервые дамская «трескотня» обходится мне ни много, ни мало в тридцать пять евро. Я даже не возражаю, настолько невозможным мне кажется такой финт! Но и другого переводчика у меня нет! Я и в предыдущие дни видела, что оплачиваемое мной время всегда округлялось до полного часа, при том, что почти всё время ожидания в очередях переводчица вела переговоры и переписку с другими своими клиентами, тем самым отгородившись от моих расспросов. Но сегодняшний расчёт – это перебор! Мне стыдно за Ефгению. Я отдаю деньги и вижу, что она, довольная собой, аккуратно нежно-розовым ноготком задвигает купюры в кошелек. Может, она думает, что я не замечаю этого крысятничества. Буду впредь осмотрительнее.

Мы с Асей остаемся одни и можем обменяться впечатлениями. Увы, мои подозрения насчет перевода небеспочвенны. Ася весь день слушала наши разговоры и подтверждает наличие вольной трактовки переводчицы и моих вопросов, и ответов докторов. А ведь мне важно слышать ответ доктора без искажений: для меня это без преувеличения вопросы жизни и смерти! Мне даже интонация доктора важна!

Я снимаю свою одежду и облачаюсь во взятый из дома халатик и монгольские кожаные шлёпанцы, купленные в Улан-Баторе. Я очень устала за этот долгий день, но Асино присутствие, уютная палата дают некоторый душевный и физический комфорт насколько это возможно накануне ампутации груди. Я так и не запомнила медицинский термин, означающий то же самое.

Мысли об операции не покидают меня, захожу в ванную, встаю перед зеркалом и, глядя на своё отражение, думаю, что это последний вечер в моей жизни, когда у меня есть две груди. Я понимаю, что ожидающая меня операция «пустышная» в том смысле, что она не полостная, удаляться будет «неходовая часть». Грудь моя свою функцию выполнила, и мне уже не понадобится кормить ребёнка. Переживания связаны только с изменением внешнего вида, а для женщины это серьёзно. Как я буду выглядеть потом?! Смогу ли я носить так любимую мной одежду с глубокими вырезами? Купаться? Эти мысли растравляют мне душу, и слезы снова льются. Слезы теперь всегда близко. Убеждена, что за предыдущие двадцать лет я пролила слёз меньше, чем за прошедшие две с небольшим недели со дня постановки диагноза.

Я, конечно, помню, что рядом племянница, и надо как-то «держаться марку» – вся наша жизнь и все наши поступки (а не нотации) – это урок нашим детям. Но чувствую полную неспособность преподать именно сейчас такой блестящий урок. Я не Маресьев, ползущий по снегу к своим в раздробленными и окровавленными ногами. Я просто женщина сорока семи лет, которой завтра до обеда отнимут грудь, и которая ещё две недели назад считала себя абсолютно здоровой.

Я взвинчена до крайности и успокоиться не могу. Пришедшая медсестра меряет мне температуру – 37,6, давление – 140/100. «Я не больна, не простужена» – пугаюсь я, – «и давление не моё – обычно 90/60». «Это бывает от волнения», утешает медсестра. «И температура?» – не верю я. «Да», – отвечает она и несет мне успокоительное и снотворное, чтоб я как следует выспалась перед операцией.

В палату приносят минералку, предварительно уточнив – с газом – без? Несут ужин – есть не хочется. Все приходящие в палату улыбки, внимательны, наигранности нет. Предлагают для заполнения меню на неделю вперед, восемь (!) вариантов. Я отмахиваюсь, Ася заполняет на своё усмотрение; попутно мы развлекаемся «черным юмором». Вскоре она уходит в отель, а я остаюсь лежать в уютной кровати и связываюсь по скайпу с домом. Какое счастье, что можно увидеть родные лица и услышать их голоса. Пусть даже на маленьком поцарапанном экранчике Макаркиного айпода.

Не смотря на прием снотворного (дважды) сплю не больше трех-четырех часов. Усталости нет, состояние полной мобилизации, энергия брызжет.

Чтоб рассказать ещё об одном важном событии этого дня, вернусь на несколько дней назад.

Знакомство с Эммой и Арманом

Как-то вечером, после посещения специалистов клиники, Ефгения предлагает зайти в отделение, в которое мне предстоит на днях лечь, посмотреть своими глазами обстановку. Мы подходим к отделению. Повинуясь нажатию кнопки в стене, стеклянные широченные двери бесшумно открываются, и мы попадаем внутрь. Медсестрички на ресепшене продолжают заниматься своими делами, лишь одна начинает улыбаться, встретившись со мной взглядом.

Мы идём по коридору отделения, и в голове у меня мысль, что я без разрешения вошла, в уличной обуви (по белоснежному полу!) и верхней одежде. Случись подобное в России, я бы уже провинившейся школьницей выслушивала отчитывание любого работника медучреждения (от уборщицы до главврача) за подобные вольности.

Навстречу нам спешит женщина в белом халате, Ефгения приветствует её по-немецки. И вдруг эта женщина приближается ко мне, что-то произнося. Будучи «готовой» к этой ситуации, я поспешно начинаю снимать куртку, вызвав немалое изумление говорящей. Ефгения спрашивает, что я делаю. Я отвечаю, что исправляюсь, снимаю куртку. Они обе начинают улыбаться, и только тогда Ефгения переводит, что в ответ на её слова – показываю Вашей будущей пациентке отделение, доктор сказала мне, что очень рада меня видеть и надеется на успешное излечение.

Мы проходим ещё немного, и к Ефгении порывисто бросается красивый черноволосый мужчина с вопросами. Он говорит по-русски и очень взволнован, до меня доносятся обрывки разговора: «боль, боль...» Это тоже Ваши, из Москвы – Эмма и Арман – поясняет Ефгения, заводя меня в следующую палату....

...К ним, моим соседям, землякам, «товарищам по несчастью» я и зашла в тот день, когда легла в клинику накануне своей операции. В стандартной палате, очень похожей на мою, на большой кровати утопала в одеялах крошечная женщина. Было видно только её узкое очень бледное лицо с огромными глазами, пышно обрамленное темными волосами. Рядом был сын Эммы Арман, такой же встревоженный и яркий, как при первой нашей встрече. Мы познакомились, сообщив друг другу имена и диагнозы. Голос Эммы красивый, низкий, полный энергии. В отличие от хозяйки.

Много позже я узнала, что Эмма после сложнейшей операции пять суток провела в реанимации, и наше знакомство состоялось вскоре после перевода её в палату.

Я сказала, что завтра утром меня заберут на операцию и пообещала заглянуть, когда смогу, после операции. «По сравнению с моей операцией, твоя – шалость», – говорит Эмма. Я согласна с ней, но это отнюдь не уменьшает мои переживания и страхи.

Каково же было моё удивление, когда вечером того же дня в дверь моей палаты постучали и еле-еле тихо вошли Эмма и Арман. Как Эмма преодолела эти считанные метры между нашими палатами, я не представляю! Она была ещё очень слаба, её заботливо поддерживал, низко склоняясь к ней, сын. У меня в душе всё перевернулось: Эмма пришла поддержать меня, совсем чужого ей человека, пришла, сделав эти несколько немыслимо сложных и болезненных шагов для того, чтоб сказать мне слова поддержки!

Эмма, я всегда буду помнить этот момент своей жизни как очень важный. Я вдруг перенеслась в другую реальность, вокруг меня веяли ветры, я была с НАСТОЯЩИМИ ЛЮДЬМИ. Слитки золота ничто перед такими людьми! И я, приподнявшись в кровати, почувствовала настоящее счастье, яркий вихрь эмоций. На короткий миг. Таких сверкающих моментов у людей никогда не бывает много, несколько за всю жизнь. И с ними не сравнится ничто!

Всего несколько слов, но большего для меня никто не мог бы сделать в тот момент! Смогла Эмма, маленькая, хрупкая, сгорбившаяся от боли Эмма. Без преувеличения борясь за свою жизнь, она нашла силы и для того, чтоб поддержать меня перед операцией. Меня, оди-

ноко лежащую со своими страхами в комфортабельной палате чужой страны. Приход Эммы очень поддержал и взволновал меня... Даже в таком положении можно помогать...

И всё-таки поддержка пришла! Эмма! Я обращаюсь к тебе: величайшим подарком судьбы стала наша встреча, счастье дружбы с тобой!

Операция

Утро. Ярко светит солнце. Комфортная прохлада. Эссенский ноябрь очень похож на наш октябрь. Я лежу в кровати и вижу, как по стволу растущего перед балконом моей палаты дерева вверх-вниз снует белка. Ася уже здесь, пьет сваренное в кафе «капучино». Мне пить-есть нельзя, довольствуюсь ароматом. В 7.00 мы идем «разрисовываться» – на встречу с доктором К., где он уточнит порядок проведения операции и специальным несмываемым фломастером на теле нарисует линии-подсказки для операции.

Доктор К. и в эту рань энергичен, собран, стремителен. Просматривает все анализы и спрашивает, как бы я хотела, чтоб прошла операция, какое решение я принимаю. Задавая вопрос, он как-то колеблется. Я не сразу понимаю почему. И отвечаю, что единственный человек, который принимает решения перед и в ходе операции – он, я ему полностью доверяю и готова подтвердить свою позицию письменно. С облегчением он выслушивает мой ответ и говорит, что последние обследования показали, что опухоль велика, придется удалять всю грудь, спасать нечего. Даже при том, что с самого начала подразумевалась именно эта операция, я не ожидала такого поворота, я начала уже надеяться на секторальную операцию, отлифтингованную грудь. Это удар. Я пытаюсь уяснить для себя, как это будет выглядеть, и, с трудом подбирая английские слова, спрашиваю: «Доктор, скажите, слева я буду женщина, а справа – мальчик?», рукою показывая прямую вертикальную линию напротив правой груди, и вглядываюсь в его лицо. В ответ доктор берет меня за обе руки и мягко, с нажимом, пытаюсь интонацией передать свою убежденность, глядя мне в глаза, говорит: «Вы всегда будете женщиной».

Среди великого множества фраз, утешений, сказанных мне, но не услышанных мною за последние недели, эта пробилаась. Я не смогла не поверить: «Вы всегда будете женщиной». Это и сейчас звучит во мне как мантра.

И тем не менее, когда доктор выходит из кабинета, я, не сдержавшись, начинаю рыдать, закрыв лицо руками. Ася обнимает меня и успокаивает, как может...

Дальше мы идем в процедурный кабинет, где мне делают укол с радиоактивной жидкостью, которая будет группироваться в местах скопления раковых клеток. И то, как она группируется, я своими глазами вижу на экране монитора некоторое время спустя в виде ярко-белых скоплений на темном изображении моей грудной клетки. Переводчица рассказывает, что во время операции сигналы счетчика Гейгера будут ориентировать доктора, уточняя объем операции. Ну, или что-то такое. Я волнуюсь, и слова её запоминаю в самом общем виде.

Моя операция должна быть второй. Мне уже принесли в палату и велели надеть белые чулки и рубашку с завязками на спине, мы уже наговорились с Асей и с домом по скайпу, а за мной всё ещё не идут. Стрелки часов двигаются к полудню. Я с утра ничего не ела и не пила, как это положено в день операции, ожидание затягивается и растёт беспокойство.

Кто-то сказал, что операция, проводимая перед моей, оказалась сложнее и заняла больше времени, чем планировалось. Мне хочется, чтоб доктор оперировал меня не в состоянии усталости, и я прошу Асю переговорить с ним об этом и, может, отложить всё на завтра.

И вот дверь открывается, и две быстрые молоденькие медсестрички вывозят меня на моей кровати в коридор. Сбоку спешит Ася. Медсестрички что-то говорят, улыбаясь и заглядывая мне в лицо, но я понимаю только одну фразу: «Аллес гуд!», её они повторяют особенно часто. Проехав коридор, холл, поднявшись на лифте (перемещаться лёжа в кровати очень непривычно), мы подъезжаем к массивным дверям, за которые Асю уже не пропускают. Я остаюсь без неё, моей опоры, и остро чувствую её отсутствие. Страх уже до такой степени поработил меня, что достигнут какой-то предел. И мне становится стыдно за своё малодушие, я пытаюсь убедить себя, что мне, с моей-то фамилией, нельзя так бояться, и внешне хотя бы пытаюсь изобразить спокойствие – хотя на меня и смотреть-то некому. Потом мне в голову

приходит ещё одна мысль – что я русский человек и должна вести себя сообразно с этим, явить мужество, ну, или хотя бы не позориться перед немцами. стыдно быть такой слабой. Я пытаюсь изобразить самообладание. Страх начинает отступать. Неожиданно начинаю шептать слова давным-давно знакомой короткой молитвы и явно чувствую успокоение.

Между тем анестезиолог, укрыв меня подогретой белой махровой простыней (в помещении холодно), приступает к наркозу. Я вдыхаю вьющийся из маски белый прохладный дымок и начинаю чувствовать, как немеют пальцы рук и ног, дальше сознание покидает меня.

После операции

Прихожу в себя я в незнакомой палате. Глаза устремлены в потолок. Он неровный, с какими-то переборками. Самочувствие довольно хорошее, боли нет, голова ясная. Мне задают вопросы и везут в мою палату, где меня ждёт Ася.

Видимо, действие наркоза не окончилось полностью: я абсолютно спокойна, мне хорошо. Говорю я медленно, чуть ли не по слогам, понимаю это, но добавить темп не могу. Ощущение, что всё позади. Я рада.

Общаюсь с Андрюшей по скайпу. Без конца в палату заходят, измеряют температуру, давление, что-то приносят из лекарств, задают вопросы, Ася переводит, смотрят шов.

Первое, что меня начинает беспокоить после операции – белые капроновые чулки. Хочется их снять, но, оказывается, этого делать нельзя – они защищают ноги от возможного тромбоза. Их нельзя снимать ближайшие 5 дней. Пять дней и ночей в капроне! Это ужасно!! Чуть позже я замечаю, что в кровати рядом со мной лежат две пластиковые бутылочки, на дне которых жидкость по виду напоминающая разбавленную кровь. От бутылочек тянутся прозрачные шланги... О, боже! Шланги выходят из моего тела. Это дренаж. Я уже видела в холле клиники несколько дней назад молодую женщину, с раздражением поставившую эти бутылочки рядом с собой прямо на пол, когда она расположилась на стуле, говоря по мобильному. Этот эпизод саднящей занозой засел в голове. Теперь с такими бутылочками я. Надо как-то смиряться, уговариваю я себя... Ведь это ненадолго...

Доктор К. тоже приходит в палату осмотреть меня с группой врачей, похоже, это все те, кто был в операционной, которую мне так и не довелось увидеть. Врачи улыбаются, знаками и простыми фразами (мне всё равно их не понять) обнадеживают меня. Доктор осматривает шов. Он очень большое внимание, как и всегда, уделяет мне, отвечая на все вопросы так подробно, словно спешить ему некуда. Но это не так, я знаю, что весь его рабочий день расписан по минутам, и что часто он затягивается до восьми вечера. Доктор говорит, что гистология тканей груди будет известна через неделю, и эти результаты определяют дальнейший ход лечения. Оказывается, они мою грудь мелко нашинкуют и будут определять количество раковых клеток по краям. Моё воображение тут же ярко рисует отвратительные иллюстрации к этому сообщению. Какой ужас!

В то же время меня успокаивают подробные разговоры с доктором, слова которого наиболее точнейшим образом переводит для меня Ася. Это даёт уверенность. Чем больше знания, тем меньше нервирующих домыслов.

С Ефгенией этого не было. Небрежность перевода, бесцеремонность переводчицы и её постоянное давление привели к утрате доверия. Это особенно неприятно, если учесть моё действительно беспомощное состояние и серьёзный диагноз. Замечу, что, общаясь с персоналом клиники, Ефгения перерождается; она само дружелюбие. Но и со мной, и с другими она всегда в маске. Масок несколько, и она скрывается за ними. Правда, некоторые черты вырисовываются, ведь я внимательно наблюдаю за ней. Они, увы, несимпатичны. Сожалею, что у меня имеется вот такая коммуникативная проблема в лице человека, призванного осуществлять мою связь с немецкими докторами. Это действительно проблема. И я не в силах её разрешить, хотя постоянно пытаюсь найти способ поставить свою переводчицу на службу своим интересам. Безуспешно.

Пока всё хорошо, температура нормальная, боли нет. Про боль вопросы задаются особенно часто, на столике у кровати лежат обезболивающие таблетки, которые надо принимать трижды в день. Но я их не пью, как и прежде не любя лекарства, за ненадобностью.

Тренькает телефон: это СМСка. На экране телефона я вижу информацию о пополнение моего рублевого счета на сумму с пятью нулями. Это пришла помощь из Астрахани: Леночка и Рафаил не оставляют меня в беде.

Мне уже можно и нужно есть. Я ем только потому, что «надо». Аппетита нет, как и все дни с момента постановки диагноза. И я уже похудела килограмм на пять. Это не вызывает радости, вообще ничего не значит в теперешней жизни, а ведь раньше каждый сброшенный килограмм добавлял хорошего настроения.

...Вспоминаю, кто-то сказал, что грудь весит около 800 грамм. И говорю: «Ася, я похудела сегодня на 800 грамм, ещё немного, и 90*60*90 никуда от меня не денутся!». И тут же заплакав, спрашиваю: «Ася, как мне жить с одной грудью?». Она отвечает: «Но ведь нос у Вас тоже один». Я подхватываю: «Он посередине, а грудь сбоку». Ася «укоряет»: «Что ж Вы не попросили доктора передвинуть грудь в центр». Хохочем. На душе становится легче.

Ася предлагает встать и посмотреть на шов, я категорически отказываюсь: на сегодня с меня хватит и операции. Дело сделано, а «налюбоваться» успею и потом, я должна к этому подготовиться. Тем более что так комфортно телу лежать в кровати без движения и отдыхать от пережитого.

Приступаю к еде, предварительно отметив, как необычно выглядит обед. На принесённом подносе в аккуратном мешочке нож, вилка, ложка. Бланк с указанием всех блюд. Овощи на тарелке, вырезанные в виде цветов, декорируют блюдо. И это в клинике, а не в ресторане. Фотографирую содержимое подноса, не надеясь, что мне поверят на слово дома.

Пробую встать, прихватив банки (как они действительно мешают!). Неловко, с помощью Аси, натягиваю халат поверх операционной рубахи. С опаской смотрю в зеркало. Одежда на мне топорщится и скрывает отсутствие груди почти полностью. Вид неблестящий, ну да ладно. Выхожу в пустынный коридор, заглядываю в палату Эммы ненадолго. Она по-прежнему в постели, может, чуть меньше бледна. У Эммы недавно был оперировавший её врач – мировое светило Д. Эмма рассказывает: «Я задала ему только один вопрос. Знаешь какой?» Я знаю. Меня саму только этот единственный вопрос и волнует всё последнее время. Процент выживания. Сколько у меня сейчас этих процентов? Эмма, видя, что я молчу, продолжает: «Я спросила, сколько доктор даёт процентов на то, что я выкарабкаюсь, буду жить».

Эмма рассказывает о еще одной русской пациентке, лечущейся здесь же. Об её женственности и капризах. Об её удивительно заботливом муже. Эта бездетная пара москвичей скромного достатка продала квартиру, единственное своё богатство, в надежде на излечение. Лечение поглотило все деньги, а болезнь не отступила. Эмма, не скрывая восхищения, говорит о «медовом месяце» любящего мужа и женщины, чьи дни сочтены.

Возвращаясь к себе в палату, вижу уткнувшегося в ноутбук работающего Армана в безлюдном в этот час кафе. Моё самочувствие, надо признать, довольно хорошее. О груди предпочитаю не думать. И это мне удаётся. После предоперационного стресса не могу даже переживать: я обессилела.

Лежу в кровати и завидую Эмме. Она постарше меня. На сколько старше, мне неизвестно. Эмма тщательно скрывает от меня свой возраст как единственное, что может стать преградой в равном общении, прочие условности нами отброшены как не имеющие никакого в нашем положении значения. Я слышала, что с возрастом все процессы в организме замедляются и развитие рака тоже. Я впервые в жизни жалею, что мне так мало лет. Что сорок семь лет всего мне было отпущено жизни до этого. Я погружена в горькие бессмысленные размышления, смогу ли я после лечения прожить десять лет. Или пятнадцать. Через пятнадцать лет мне будет 62 года. Как это мало. Если я и на это могу рассчитывать...

Вечером прошу снотворное, так как не надеюсь уснуть самостоятельно. Так заканчивается 5 ноября, день операции.

Пребывание в клинике после операции

Следующий и все прочие дни отличаются размеренностью и предсказуемостью, как в любой больнице. Но именно в этой клинике ещё и тщательно продумана каждая мелочь, что создает комфорт, мажорный настрой, возможность болеть достойно, не переставая себя чувствовать человеком. У меня будет ещё возможность сравнить, когда я вернусь на Родину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.